

СТЕЛЛА ПОЛЯКОВА

РЕПАТРИАЦИЯ СЕРДЦА

Роман

«Дом — это не место.

*Это человек, которого любишь
больше жизни.»*

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА · LOVE STORY

18+

Стелла Полякова

Репатриация сердца

<https://litres.ru/74051514>

SelfPub; 2026

Аннотация

Репатриация сердца. История о том, как фиктивный брак стал настоящей семьёй. О корнях, которые мы находим. О любви, которая случается, когда мы меньше всего ожидаем. О доме, который не место, а люди рядом.

Посвящается всем, кто когда-либо начинал заново. Всем, кто искал свой дом. Всем, кто верил в любовь, даже когда казалось, что её нет.

И всем котам-няням мира. Особенно Рубику.

Стелла Полякова

Репатриация сердца

Глава 1: Прощание и кот

Вера Рубинская никогда не любила осень. Не из-за дождей, не из-за холода, а из-за этого особенного запаха увядания, который въедается в одежду и напоминает, что всё хорошее рано или поздно заканчивается.

Сегодня осень превзошла саму себя.

Ваганьковское кладбище встретило её серым небом, морозящим дождём и горсткой людей в чёрном, которые выглядели так, будто хотели оказаться где угодно, только не здесь. Вера их прекрасно понимала. Она и сама предпочла бы быть в любом другом месте, но выбора не было — хоронить бабушку Раису приходилось именно ей.

Одной. Как всегда, одной.

Вера поправила чёрный платок, сползающий с темно-каштановых волос. Дождь превращал их в непослушные кудри — ещё одно мелкое предательство этого дня. Обычно

она укрощала их утюжком, но сегодня даже не попыталась. Какая разница?

Священник монотонно читал молитву, и Вера поймала себя на мысли, что считает ворон на соседнем дереве. Их было пять. Или шесть? Она сбилась.

— Помним... чтим... скорбим... — доносились обрывки слов.

Вера смотрела на гроб, и её янтарные глаза — необычного, почти медового оттенка, единственное яркое пятно в сером окружении — застилались слезами. Эти глаза она унаследовала от мамы. «Солнечные глаза», называла их бабушка Раиса. «Глаза, в которых живёт доброта», говорил папа, когда был жив.

Вера не чувствовала в себе никакой доброты. Только пустоту.

Она не могла поверить, что там, в гробу, её бабушка. Раиса Семёновна, которая ещё месяц назад ругала её за невымытую посуду и говорила, что в двадцать восемь лет пора бы уже научиться готовить нормальный борщ. Которая рассказывала одни и те же истории про войну, про то, как встретила деда Алексея на танцах в сорок восьмом.

Раиса Семёновна, которая растила Веру с шести лет, когда родители погибли в автокатастрофе по дороге на дачу. Двадцать два года назад мир Веры рухнул впервые. Тогда маленькая девочка со смешными кудряшками и огромными янтарными глазами стояла точно так же — на кладбище, под дождём, не понимая, почему мама и папа больше не придут.

Бабушка стала всем. Мамой, папой, лучшим другом. Она ходила с Верой на все родительские собрания, сидела на всех выступлениях в художественной школе, учила держать кисть правильно и говорила: «У тебя талант, солнышко. Ты будешь создавать красоту».

Вера стала дизайнером. Поступила во ВГИК на графический дизайн — единственный вуз, куда её пустили янтарные глаза и портфолио, компенсировавшие средненький балл ЕГЭ. Пять лет учёбы, когда Вера жила в общежитии и приезжала к бабушке каждые выходные с грязным бельём и новыми историями.

Была подруга — Катя Соколова, с которой они мечтали открыть своё дизайн-бюро. Катя придумывала безумные концепции, Вера воплощала их в жизнь. Они были командой.

Потом появился Максим. И всё изменилось.

Горло сжалось. Вера сглотнула. Плакать она не собиралась. По крайней мере, не здесь, не при всех этих людях, половину из которых она видела впервые.

— Вера, дорогая, — тихо произнесла соседка бабушки, тётя Люда, сжимая её локоть влажной от дождя рукой. — Держись.

Вера кивнула, не доверяя своему голосу. Держаться. Она умела держаться. Двадцать восемь лет опыта.

Церемония подошла к концу. Люди начали подходить к могиле, бросать цветы, креститься. Вера стояла в стороне и думала о том, что теперь она осталась совсем одна.

Родители погибли, когда ей было шесть.

Бабушка умерла сегодня.

Катя перестала отвечать на звонки три года назад, после одной особенно неприятной сцены с Максимом, который сказал, что «эта твоя подружка плохо на тебя влияет». Вера тогда не стала спорить. Ей казалось, что это неважно.

Теперь она понимала, что была идиоткой.

Квартира, кот и куча незаконченных дизайн-проектов — вот и всё её наследство. И воспоминания. Много воспоминаний.

Телефон завибрировал в кармане. Вера достала его и увидела на экране три пропущенных от Максима и одно сообщение:

Я рядом. Ты не должна проходить через это одна.

Внутри всё похолодело. Нет. Пожалуйста, только не сегодня.

— Вера!

Поздно.

К ней через кладбище быстрым шагом направлялся Максим. В дорогом чёрном пальто, с зонтом в руке и с выражением глубокой скорби на лице, которое не доходило до глаз.

Вера машинально оценила его внешность глазами дизайнера: идеальный образ успешного тридцатипятилетнего бизнесмена. Дорогие часы, выверенная поза, правильные слова.

Как рекламный макет.

Три года назад она думала, что он идеален. Теперь видела только картинку без содержания.

— Вера, я так переживал, — Максим попытался обнять её, но она отстранилась. — Хотел поддержать тебя в этот тяжёлый день.

— Я просила тебя не приходить, — сказала она тихо, но твёрдо.

— Но я не мог оставить тебя одну! Мы же были вместе три года, я не могу просто...

— Максим, мы расстались полгода назад.

— Но я всё ещё забочусь о тебе! — он сделал шаг ближе. — Вера, послушай, я знаю, что ты переживаешь сейчас. Тебе нужна поддержка. Позволь мне быть рядом. Мы можем всё исправить.

Она посмотрела на него — на идеально уложенные светлые волосы, на дорогие часы, на эту привычную уверенность в том, что он всё контролирует, — и поняла, что больше не чувствует ничего. Ни любви, ни ненависти. Только уста-

лость.

Когда они познакомились на выставке современного искусства, ей было двадцать пять, и она чувствовала себя одинокой. Максим был старше, успешен, уверен в себе. Он ухаживал красиво: рестораны, цветы, комплименты. Говорил, что её янтарные глаза свели его с ума. Что её внутренний свет делает её особенной.

Первые полгода были как в сказке.

Потом начались мелочи. «Эта юбка слишком короткая». «Зачем тебе встречаться с Катей? Она одинокая и завидует нам». «Я волнуюсь, когда ты не отвечаешь на звонки сразу». «Ты опять задержалась на работе? А может, ты была не на работе?»

Вера не сразу поняла, что происходит. Ей казалось, что он просто заботится. Что это нормально.

Постепенно она перестала видеться с подругами, потому что каждая встреча заканчивалась скандалом. Перестала ходить на выставки без него. Начала отчитываться, где и с кем. Носить то, что он одобрял. Жить по его правилам.

А когда поняла, что задыхается — было уже поздно. Три

года прошло. Катя больше не отвечала на звонки. Других друзей не осталось. Бабушка волновалась, но Вера успокаивала её: «Всё хорошо, бабуль. Просто он такой, ревнивый. Это значит, что любит».

Бабушка не верила. Но не настаивала.

Шесть месяцев назад, после очередного скандала из-за того, что Вера посмела сходить в кино с коллегой-женщиной, она собрала вещи и ушла. Максим не верил. Названивал, писал, приходил к ней на работу. Обещал измениться. Угрожал. Плакал. Умолял.

Вера держалась. Но он не отступал.

И вот он здесь. На похоронах её бабушки. Потому что не может принять отказ.

— Мне нужно идти, — сказала она и развернулась.

— Вера! Мы ещё поговорим!

Она не оглянулась. Шла между могил, чувствуя, как дождь усиливается, и думала о том, что в её жизни точно пора что-то менять.

Квартира бабушки встретила её тишиной и запахом старых книг. Вера остановилась в прихожей и вдохнула. Здесь всё было таким знакомым — потёртый паркет, обои с цветочками, которые не меняли лет двадцать, чёрно-белые фотографии на стенах.

Вот фото мамы — такие же янтарные глаза, такие же непослушные волосы. Улыбка, которую Вера помнила смутно, как тёплый сон.

Вот бабушка с дедом в день свадьбы. Молодые, счастливые, не знающие, что деду отмерено всего сорок лет.

Вот Вера в школе — смешная девочка с двумя косичками и огромными глазами, слишком серьёзными для своего возраста.

Дом был полон памятью. И теперь он был пуст.

— Мяу.

Вера посмотрела вниз. У её ног сидел Рубик — огромный рыжий кот с недовольной мордой и хвостом, обёрнутым вокруг лап.

— Привет, — сказала она, и голос предательски дрогнул.

Рубик медленно моргнул — на кошачьем языке это означало «я тебя люблю». Или «накорми меня немедленно». С Рубиком всегда было трудно понять.

Вера прошла на кухню, Рубик важно потрусил следом. Она насыпала ему корм, налила воды и села на стул, наблюдая, как он ест. Методично, сосредоточенно, как будто это дело всей его жизни.

Подошла к зеркалу в прихожей. Посмотрела на себя.

Двадцать восемь лет. Тёмно-каштановые волосы, влажные от дождя, вьются непослушно. Янтарные глаза покраснели от слёз. Лицо бледное, с лёгкой россыпью веснушек на носу, которые она всегда пыталась замазать тональником, потому что Максим говорил, что это «по-детски».

Бабушка говорила, что Вера красивая. Не эффектная, не модельная, но красивая той особенной красотой, которая идёт изнутри. «У тебя доброе лицо, — говорила Раиса Семёновна. — Это видно по глазам. Люди с добрыми глазами всегда красивы».

Вера не чувствовала себя красивой. Она чувствовала себя уставшей.

Телефон снова завибрировал. Вера глянула на экран.

Максим: Я понимаю, тебе сейчас тяжело, но мы должны поговорить

Удалить.

Максим: Ты не можешь просто игнорировать меня

Удалить.

Новое письмо на почту. От Олега Викторовича Громова — владельца маркетингового агентства, где Вера работала последние два года. Она открыла письмо, и внутри всё случилось.

Вера, нам нужно поговорить о позиции арт-директора. Звони, как освободишься.

Позиция арт-директора. Та самая, ради которой она работала как проклятая последние полгода. Перерабатывала. Вела три крупных проекта одновременно. Разработала ребрендинг для их главного клиента — федеральной сети магазинов — который принёс агентству контракт на несколько миллионов.

Олег обещал. «Позиция твоя, Вер. Ты её заслужила. Просто нужно закрыть текущие проекты, и я официально оформлю тебя арт-директором».

Вера набрала его номер. Олег взял трубку после третьего гудка.

— Вера! Как дела? Как прошло всё?

— Нормально, — соврала она. — Ты хотел поговорить о позиции?

Пауза. Слишком долгая пауза.

— Да, слушай... Понимаешь, ситуация немного изменилась.

Внутри всё оборвалось.

— Как изменилась?

— Мы решили отдать позицию Кристине.

— Кристине? — Вера не сразу поняла, о ком речь. — Кристине Громовой? Твоей дочери?

— Ну да. Она как раз закончила курсы по дизайну, и мне кажется, это отличная возможность для неё начать карьеру. Свежий взгляд, молодая энергия, понимаешь?

Вера молчала. В голове гудело.

— Но ты не переживай! — поспешно добавил Олег. — Ты останешься в команде. Будешь работать с Кристиной. Помогать ей, направлять. Она ведь ещё учится, ей нужен опытный наставник. Такой как ты.

— Наставник, — механически повторила Вера.

— Именно! Ты же профессионал, Вер. У тебя такое портфолио! Кстати, клиент в восторге от твоего последнего проекта. Сказал, что это лучшее, что он видел за последние годы. Так что ты продолжишь вести крупные проекты, просто теперь официально под руководством Кристины. Она подпишет все концепции, ну ты понимаешь, для опыта.

Вера поняла. Она будет делать всю работу, а Кристина — двадцатилетняя девочка, которая месяц назад не отличала кернинг от трекинга — будет ставить свою подпись и получать зарплату арт-директора.

Шесть лет в ВГИК. Красный диплом. Три года фриланса без выходных, когда она засыпала в четыре утра с ноутбуком на коленях. Два года в агентстве, где она выросла от джуниора до ведущего дизайнера.

Всё это — чтобы учить дочку босса «делать покрасивее».

— И по деньгам не переживай, — продолжал Олег. — Мы немного поднимем тебе ставку. Процентом на десять. Как компенсация за дополнительную нагрузку по обучению.

— Вера? Ты там? Ну что скажешь?

Она посмотрела на Рубика, который сидел на столе и внимательно изучал её лицо.

— Я подумаю, — сказала она ровным голосом.

— Отлично! Значит, договорились.

Олег отключился.

Вера встала и прошла по кухне. Подошла к окну. За стеклом всё тот же московский двор — детская площадка, знакомая с детства, скамейка, где бабушка кормила голубей, подъезд, откуда Вера выходила каждое утро в школу.

Двадцать два года в этой квартире. Вся её жизнь.

— И знаешь что? — сказала она Рубику, который терпеливо ждал продолжения монолога. — Мне двадцать восемь. У меня нет семьи. Нет отношений, потому что я три года потратила на человека, который до сих пор уверен, что я его собственность. Нет друзей, потому что он аккуратно отрезал меня от всех. Нет карьеры, потому что место, которое я заслужила, отдали девочке, которая не знает разницы между RGB и CMYK.

Вера вернулась к столу, опустилась на стул. Янтарные глаза наполнились слезами, но она не дала им пролиться.

Бабушка говорила: «У тебя доброе сердце, Верочка. Это и сила, и слабость. Ты всегда думаешь о других. Но иногда нужно думать о себе».

Может, бабушка была права.

Рубик закончил есть, подошёл к ней и потёрся о ногу. Вера подняла его на руки. Он был тяжёлым и тёплым, и неожиданно ей стало легче.

— Что мне делать, Рубик? — прошептала она в его рыжую

шерсть.

Кот промурлыкал что-то утешительное.

Телефон снова ожил. Вера глянула на экран и застыла.

Максим: Я знаю, где ты. Нам нужно поговорить лично. Я приеду.

Пульс участился. Он знал адрес бабушки. Конечно знал. Она же сама когда-то рассказывала, в те первые месяцы, когда ещё верила, что он просто заботится.

Вера опустила Рубика на пол, взяла телефон и открыла блокировку контакта. Набрала сообщение:

Максим, прекрати. Это кончено. Не приезжай. Не звони. Не пиши. Между нами всё закончилось.

Отправить.

Секунда. Две. Три точки — он печатает.

Ты не решаешь, когда мы заканчиваем. Я приеду. Мы поговорим как взрослые люди.

Вера почувствовала, как внутри всё сжимается от бес- сильной злости. Как взрослые люди. Взрослые люди не пре- следуют бывших партнёров. Взрослые люди принимают от- каз.

Она заблокировала его номер. Заблокировала в соцсетях. Заблокировала везде, где могла.

Но этого было мало. Она знала Максима. Он найдёт спо- соб. Он всегда находил. Три года контроля научили его быть изобретательным.

Вера опустилась на стул и уткнулась лицом в ладони. Ей нужно было уехать. Куда угодно. Подальше отсюда. От Мак- сима, от работы, от этой жизни, которая давно перестала быть её.

Но куда? И как?

Рубик запрыгнул ей на колени и посмотрел в глаза с вы- ражением, которое можно было интерпретировать как «со- берись».

— Ладно, — сказала Вера вслух. — Ладно. Думаем.

Она взяла ноутбук и открыла его. Гугл. Поисковая строка.

Курсор мигает.

Что она хочет? Уехать. Далеко. Начать заново. Где никто её не знает. Где Максим не найдёт.

Пальцы двигались почти сами собой: «Как уехать из России быстро».

Куча статей про визы, ВНЖ, эмиграцию. Все требуют времени, денег, квалификации.

Вера пролистала дальше. И остановилась на одной статье.

«Репатриация в Израиль: как уехать через брак».

Она кликнула.

Текст был подробным. Оказывается, граждане Израиля могли помочь своим супругам получить право на репатриацию. Процесс занимал несколько месяцев, но был реальным.

И ниже, в комментариях, кто-то написал: «Фиктивные браки — это норма. Половина знакомых так уехала. Главное найти надёжного человека».

Фиктивный брак.

Вера уставилась на экран. Её янтарные глаза отражали свет монитора.

Израиль. Тёплое море. Другой язык. Другая жизнь.

Это безумие. Абсолютное безумие.

Но...

Телефон завибрировал. Сообщение с незнакомого номера.

Вера, это Максим. Я взял телефон у друга. Ты не можешь просто заблокировать меня. Мы должны решить это. Я приеду завтра.

Вера посмотрела на Рубика.

— Фиктивный брак, — произнесла она вслух, пробуя эти слова на вкус. — Это же совершенно безумная идея.

Рубик зевнул, показав все зубы, и устроился у неё на коленях поудобнее.

— Но знаешь что? — продолжила Вера, и в её янтарных

глазах впервые за долгое время блеснуло что-то похожее на надежду. — Может, мне и нужна безумная идея.

Она снова посмотрела на экран. Открыла форум по репарации. Начала читать.

В зеркале напротив отражалась молодая женщина с тёмно-каштановыми волосами и янтарными глазами. Уставшая, бледная, в чёрном платье.

Но в глазах — тех самых «солнечных глазах», которые бабушка называла особенными, — появилась искорка решимости.

Вера улыбнулась. Впервые за долгое время.

Может быть, не всё потеряно. Может быть, это шанс. Может быть, именно сейчас, когда всё рухнуло, можно начать заново.

Она открыла новую вкладку и набрала: «Израильское консульство Москва».

Рубик промурчал одобрительно.

— Мы едем в Израиль, — сказала Вера коту. — Ты, я и

безумная идея. Что может пойти не так?

Рубик посмотрел на неё с выражением глубокого скептицизма.

Но Вера уже читала. Записывала. Планировала.

Впереди была новая жизнь. И она собиралась её добиться.

Глава 2: Разведка

Три дня Вера читала форумы по репатриации. Читала ночами, не отрываясь, пока Рубик сопел рядом и периодически наступал на клавиатуру, требуя внимания.

Оказалось, в мире существует целая индустрия фиктивных браков. Люди писали истории успеха, давали советы, предупреждали о подводных камнях.

Были даже прайс-листы — от пятисот тысяч до двух миллионов рублей, в зависимости от "надёжности жениха" и скорости процесса.

У Веры таких денег не было. Была квартира бабушки — однушка в старом доме недалеко от метро. По рыночной оценке — около десяти миллионов рублей.

После продажи и вычета налогов оставалось бы примерно девять миллионов. Хватило бы на брак и на первое время в Израиле. Продать квартиру бабушки. Единственное, что осталось от семьи. Вера посмотрела на фотографию на стене — бабушка с дедом в каком-то парке, обнявшись, улыбаются. Молодые, счастливые. Это было снято задолго до её рождения.

— Прости, бабуль, — прошептала она. — Но мне нужно отсюда уехать.

Рубик мяукнул, словно одобряя решение.

За три дня Максим звонил с шести разных номеров. Вера не отвечала. Он присылал сообщения — сначала мягкие - "Вера, пожалуйста, давай просто поговорим", потом настойчивые - "Ты ведёшь себя по-детски", потом почти угрожающие - "Ты не можешь просто исчезнуть из моей жизни".

Олег Викторович прислал список правок от Кристины к проекту "Солнечный берег". Двадцать три пункта. Включая "сделать шрифт более молодёжным" и "добавить эмодзи в корпоративный стиль". Вера открыла файл, посмотрела на правки и закрыла, так и не начав работать. Первый раз за шесть лет она не взялась за проект сразу. И это было странно.

Пугающе. Но в то же время Вера чувствовала витающую в воздухе свободу.

В четверг утром Вера стояла перед зеркалом и пыталась решить, что надеть в посольство Израиля. Строгий костюм? Слишком официально. Джинсы и свитер? Слишком расслабленно. В итоге остановилась на чёрных брюках и светлой блузке — золотая середина для человека, который понятия не имеет, что делает.

— Как думаешь, я выгляжу как человек, который собирается совершить аферу международного масштаба? — спросила она Рубика, который лежал на кровати и наблюдал за её сборами.

Рубик зевнул.

— Спасибо за поддержку.

Посольство Израиля находилось в центре, в старинном особняке. Вера

доехала на метро, всю дорогу репетируя, что скажет. "Здравствуйте, я хочу узнать о репатриации. Да, у меня нет еврейских корней. Да, я знаю про брак. Нет, жениха у меня пока нет, но я работаю над этим вопросом".

Звучало идиотски.

Консульский отдел был полон людей. Семьи с детьми, пожилые пары,

молодёжь. Все с папками документов, все выглядели уверенными в том, что

делают. Вера почувствовала себя самозванкой. Она взяла талон в электронной очереди — номер 47. На табло горело 23. Вера села на жёсткий пластиковый стул и начала ждать.

Рядом сидела женщина лет пятидесяти, с огромной сумкой, из которой торчали папки.

— Первый раз? — спросила она, заметив растерянное выражение на лице

Веры.

— Так заметно?

— Вы держите телефон вверх ногами, — женщина улыбнулась. — Я Нина.

Третий раз подаю на репатриацию. Первые два раза отказали — то документов не хватало, то ещё чего-то.

— А у вас есть... еврейские корни?

— Бабушка. Но документы на неё найти было ещё то приключение.

Полстраны объехала, архивы все перерыла. — Нина вздохнула. — А вы?

Вера замешкалась.

— Я..., пока разведываю обстановку.

— Мудро. — Нина кивнула. — Тут бюрократии выше крыши. Нужно хорошо подготовиться, иначе только время потеряете.

Очередь двигалась медленно. Вера наблюдала за людьми, пытаясь понять закономерность — кто выходит довольный, кто расстроенный. Молодая пара вышла, держась за руки и улыбаясь. Пожилой мужчина — с хмурым лицом и связкой документов. Семья с тремя детьми — шумно, но радостно.

— Сорок семь! — объявил электронное табло.

Вера вздрогнула и встала. Ноги почему-то дрожали.

Кабинет был маленьким и тесным. За столом сидела женщина лет сорока, с усталым лицом и горой папок перед собой.

— Слушаю, — сказала она, не поднимая глаз от документов.

— Здравствуйте, я... хотела узнать о репатриации.

— У вас есть право на репатриацию? — женщина наконец посмотрела на неё.

— Нет. То есть... я не знаю точно. Но я читала, что можно через брак.

Женщина откинулась на спинку кресла и внимательно посмотрела на Веру.

— Через брак с гражданином Израиля, да. Это законный путь.

— И... сколько это занимает времени?

— Зависит от конкретной ситуации. В среднем — от шести месяцев до

года. Нужно доказать, что брак настоящий, не фиктивный. Проводятся

проверки, интервью.

— Проверки? — Вера почувствовала, как пересохло в горле.

— Да. Вас будут спрашивать о том, как вы познакомились, что вы знаете

друг о друге, как долго вместе. Могут прийти с проверкой на дом, посмотреть, действительно ли вы живёте вместе. — Женщина говорила ровным, усталым голосом, как человек, который повторял эти слова тысячу

раз. — Если есть малейшие подозрения в фиктивности брака, вам откажут.

И занесут в чёрный список.

— Понятно, — выдавила Вера.

— Вам нужен полный список документов?

— Да, пожалуйста.

Женщина протянула ей несколько распечатанных листов.

— Здесь всё описано. Если будут вопросы — звоните по телефону, указанному внизу. Следующий!

Вера вышла из кабинета, чувствуя себя так, будто только что сдала экзамен, к которому не готовилась. В руках у неё был список требований на трёх страницах мелким шрифтом.

Она остановилась в коридоре и начала читать. Свидетельство о браке.

Подтверждение совместного проживания. Совместные фотографии. Показания свидетелей. Справки. Ещё справки. И ещё.

— Господи, — пробормотала Вера.

— Первый раз всегда страшно, — раздался голос рядом.

Она обернулась. Рядом стоял мужчина — высокий, в очках, с растрёпанными тёмными волосами и папкой документов в руках. Он смотрел на неё с лёгкой усмешкой.

— Что? — не поняла Вера.

— Я просто говорю, что первый раз всегда пугает. Эта куча бумаг, проверки, интервью. Но это реально.

— Вы уже проходили?

— У меня гражданство. Я здесь по делам матери, — он поправил очки.

— Но я видел процесс много раз. Знакомые репатриировались, друзья. Это работает, если делать всё правильно.

Вера посмотрела на него внимательнее. Лет тридцать с небольшим, усталый вид, но приятное лицо. Говорил по-русски с лёгким акцентом.

— А что значит "правильно"?

— Быть убедительным, — он пожал плечами. — Если

брак настоящий, конечно. А если нет... — он помолчал, — то быть очень, очень убедительным.

Они посмотрели друг на друга. Вера вдруг почувствовала странное

напряжение — как будто он знал, что она думает. Как будто видел насквозь.

— Удачи, — сказал он и пошёл к выходу.

Вера стояла, держа список документов, и смотрела ему вслед. На полпути к выходу он остановился, достал из кармана телефон и что-то быстро набрал.

Потом вышел, не оглядываясь.

Она посмотрела на документы в руках. Потом на дверь, за которой он

только что исчез. "Быть очень убедительным".

Ладно. Она может быть убедительной. Шесть лет в дизайне научили её продавать идеи, в которые клиенты сначала не верили. Она убеждала людей, что розовый — это правильный выбор для строительной компании, а Comic Sans — это

преступление против человечности. Она может убедить консульство, что её брак настоящий.

Нужен только один маленький нюанс.

Жених.

Вера вышла из посольства на холодную улицу и сразу же открыла телефон.

Зашла на форум, который читала последние три дня, и нашла раздел "Поиск пары для репатриации". Объявлений было много. Слишком много.

"Ищу невесту для фиктивного брака. Гражданство Израиля. Оплата обсуждается. Серьёзные предложения в личку".

"Помогу с репатриацией. Опыт есть. Условия индивидуальные".

"Срочно нужен жених с гражданством Израиля. Готова обсудить

условия".

Вера прокручивала ленту, читала профили, пыталась понять, кто из этих людей действительно может помочь, а кто — мошенник.

Телефон завибрировал. Сообщение от Максима. С ещё одного нового номера.

- "Вера, мне сказали, ты продаёшь квартиру бабушки. Зачем? Что

происходит? Позвони мне. Пожалуйста".

Вера нахмурилась. Откуда он знает про квартиру? Она ещё даже не

выставила её на продажу. Потом вспомнила — риелтор. Она звонила риелтору вчера вечером, узнать о примерной оценке. Наверное, кто-то из общих знакомых сказал Максиму.

Вера заблокировала номер и открыла один из профилей на форуме. Мужчина, 45 лет, гражданин Израиля, предлагал помощь с репатриацией за миллион рублей. В профиле были отзывы — три положительных, один отрицательный: "кинул на деньги, не отвечает после предоплаты".

Вера закрыла профиль.

Открыла другой. Женщина, 38 лет, предлагала "партнёрство" —

совместную репатриацию для двух женщин через поддельные документы.

Отзывов не было.

Закрыла.

Следующий. Мужчина, 50 лет, с фотографией в профиле. Неприятное лицо, хищный взгляд. "Помогу красивым девушкам. Условия обсуждаются лично".

Вера почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она закрыла форум и убрала телефон. Может, это была глупая идея. Может, нужно просто найти другую работу. Переехать в другой город. Сменить номер телефона. Начать заново здесь, в России. Но что-то внутри упрямо говорило: нет. Она устала начинать заново в том же месте. Она хотела действительно другой жизни. Не косметического ремонта старой, а совершенно новой.

Телефон снова завибрировал.

- Олег Викторович: "Вера, где варианты для Кристины? Она ждёт. Нам нужно до конца дня".

Вера посмотрела на сообщение. Потом на здание посольства за спиной.

Потом на серое московское небо.

И набрала ответ:

- "Олег Викторович, я увольняюсь. Все текущие проекты передам Кристине с комментариями. Спасибо за сотрудничество".

Отправить.

Три секунды тишины. Потом телефон взорвался звонком. Олег. Вера сбросила вызов и отключила звук.

Она стояла на улице, в холодном октябрьском ветре, и впервые за много лет чувствовала себя свободной. Пусть и безработной, с планом уехать из страны через фиктивный брак, без жениха и с котом на попечении.

Но свободной.

Вера улыбнулась и пошла к метро. По дороге зашла в кофейню — нужно было согреться и подумать о следующем шаге. Маленькая кофейня недалеко от посольства, уютная, с запахом корицы и джаза из колонок. Вера заказала капучино и села у окна. Достала ноутбук. Открыла документ и написала заголовок: "План побега".

Под заголовком начала составлять список:

1. Продать квартиру бабушки
2. Найти надёжного человека с гражданством Израиля
3. Оформить все документы
4. Пройти проверки
5. Уехать

Звучало просто. На бумаге.

Она допила кофе и посмотрела в окно. На улице моросил дождь, люди

спешили по своим делам, машины стояли в пробке.

— Извините, — раздался голос рядом. — Здесь свободно?

Вера подняла глаза. И замерла.

Перед ней стоял тот самый мужчина из посольства — в очках, с

растрёпанными волосами, с той же папкой в руках.

— Да, — выдавила она. — Свободно.

Он сел за соседний столик, заказал чёрный кофе и достал ноутбук. Вера попыталась вернуться к своему списку, но слова расплывались перед

глазами.

Несколько минут они сидели в тишине. Потом он вдруг заговорил, не

поднимая глаз от экрана:

— Нашли жениха?

Вера чуть не подавилась воздухом.

— Что?!

Он посмотрел на неё.

— Я видел ваш список. "План побега". Пункт два — "найти надёжного человека с гражданством". — Он кивнул на её ноутбук, экран которого был повернут так, что его было видно с соседнего столика. — Простите, не хотел подглядывать. Просто крупный шрифт.

Вера быстро захлопнула ноутбук, чувствуя, как лицо заливает краска.

— Я... это не то, что вы думаете.

— Я думаю, что вы ищете способ репатрироваться через фиктивный брак,

— сказал он спокойно. — И что у вас пока нет кандидата. Я прав?

Вера молчала. Сердце колотилось.

— Я не буду никому рассказывать, — добавил он. — Это не моё дело. Просто... будьте осторожны. Там много мошен-

ников. Люди платят деньги и в итоге остаются ни с чем.

— Спасибо за совет, — сухо сказала Вера, пытаюсь сохранить остатки достоинства. Он кивнул и вернулся к своему ноутбуку.

Тишина затянулась. Вера собрала вещи, готовясь уйти. Это было слишком. Слишком странно. Слишком неловко.

— Моей матери нужна операция, — вдруг сказал он, всё так же не поднимая глаз от экрана.

Вера остановилась.

— Что?

— Моей матери нужна операция. Дорогая. Очень дорогая. — Он наконец посмотрел на неё. — У меня гражданство Израиля. Я живу здесь временно,

пока она проходит лечение. Мне нужны деньги.

Вера медленно села обратно.

— И?..

— И я подумал, может быть, нам стоит поговорить, — он сделал паузу.

— О взаимовыгодном сотрудничестве.

Они смотрели друг на друга через столик. Джаз играл из колонок, дождь барабанил по окнам, и Вера чувствовала, как её жизнь делает резкий

поворот в совершенно неожиданную сторону.

— Я Давид, — сказал он. — Давид Фридман.

— Вера, — ответила она. — Вера Рубинская.

— Приятно познакомиться, Вера. — Он протянул руку через столик. —

Давайте обсудим детали.

Глава 3: Сделка

Вера смотрела на протянутую руку Давида и думала, что нормальные люди в таких ситуациях обычно убегают. Или, как минимум, требуют рекомендации, справку о несудимости и психологическое заключение.

Но она пожала ему руку.

В консульстве она видела его только мельком — высокая фигура в очереди, раздражённый голос, спорящий с сотрудником. Теперь, сидя напротив в кафе, она могла рассмотреть его получше.

Давид Фридман был полной противоположностью Максиму.

Там, где Максим был безукоризненно ухожен, Давид выглядел... обжитым. Тёмные, почти чёрные волосы слегка расчёпаны, как будто он не раз провёл по ним рукой. Лёгкая щетина — не модная трёхдневная небритость, а просто забывчивость или нежелание тратить время на бритьё. За тонкими металлическими очками — карие глаза, внимательные и какие-то настороженные. Умные глаза. Может быть, слишком умные — в них читалась привычка всё анализировать.

Одет он был так, как одеваются программисты, которые работают из дома: тёмно-синяя клетчатая рубашка с закатанными рукавами, джинсы, кроссовки. Никаких дорогих часов, никаких статусных брендов. Обычный тридцатидвухлетний мужчина, который одевается для комфорта, а не для впечатления.

Высокий — метр восемьдесят или около того. Худошавый, даже жилистый. Загар не московский, а какой-то золотистый, въевшийся в кожу. Израильский. Руки — длинные пальцы, аккуратно подстриженные ногти. Руки человека, который печатает по восемь часов в день.

Вера поймала себя на мысли, что оценивает его как дизайнер. Если бы ей нужно было создать образ «обычного хорошего парня», она бы нарисовала примерно такого. Не красавец, не урод. Приятное лицо с чёткой линией скул, прямым носом и упрямым подбородком. Когда он снял очки, чтобы протереть их краем рубашки, Вера заметила, что без них он выглядит моложе и... мягче что ли.

И совершенно точно — он был полной противоположностью Максиму с его показной уверенностью и тщательно выстроенным образом успешного бизнесмена.

Давид не пытался произвести впечатление. Он просто был.

Вера не была уверена, раздражало её это или, наоборот, вызывало уважение.

Ладонь у него была тёплой и сухой. Рукопожатие крепкое

— твёрдое, но не демонстративно-мужское, как у Максима.

— Для начала, — сказал Давид, убирая руку и поправляя очки (похоже, это у него привычка), — давайте определимся с правилами.

— Правилами? — Вера уже почувствовала раздражение. Они знакомы пять минут, а он уже устанавливает правила.

— У меня есть список. — Он достал телефон, открыл закладки и положил на стол между ними. — Я составил его после того, как увидел вас в посольстве.

— То есть вы планировали это предложить незнакомому человеку? — В голосе Веры прозвучал скепсис.

— Я планировал быть готовым, если представится возможность. — Он поправил очки снова. — Это называется предусмотрительность.

— Это называется самонадеянность.

Они посмотрели друг на друга. Карие глаза Давида не мигали. В них не было ни вызова, ни агрессии — только спокойная уверенность человека, который привык добиваться своего логикой, а не напором.

Максим смотрел так, когда хотел подавить. Давид просто... ждал.

Пауза затянулась.

— Вы хотите услышать условия или нет? — спросил Давид ровным тоном.

Вера вздохнула и взяла его телефон:

ПРАВИЛА СОТРУДНИЧЕСТВА:

1. Это деловое соглашение. Никаких личных отношений.
2. Всё документируется. Договор, расписки, поэтапная оплата.
3. Мы репетируем историю отношений до тех пор, пока она не будет звучать естественно.
4. Мы проживаем вместе минимум три месяца до подачи документов (для достоверности).
5. Никакому третьему лицу не сообщаем о фиктивности брака. НИКОМУ.

6. После получения документов — развод по обоюдному согласию.

7. Каждый сам за себя после завершения сделки. Никаких претензий.

Вера дочитала и вернула телефон:

— Пункт пять. Даже вашей матери?

Давид напрягся. Вера заметила, как у него дёрнулась мышца на скуле.

— Особенно маме. Она не должна знать.

— Вы собираетесь обманывать умирающую женщину?

— Я собираюсь спасти её жизнь, — резко ответил он, и в карих глазах блеснуло что-то острое. Боль, может быть. Или отчаяние. — Если она узнает, что это фикция, она откажется от денег. Скажет, что не хочет, чтобы я жертвовал собой. И умрёт.

Вера прикусила губу. Он был прав, но это не делало ситуацию менее неприятной.

— У вас есть лучший план? — спросил Давид, и Вера вдруг поняла, что ему самому это всё не нравится. Он не хочет обманывать мать. Не хочет заключать фиктивный брак. Но делает это, потому что других вариантов нет.

В этом они были похожи.

— Нет, — призналась она.

— Тогда мы договорились. Моя мама не узнает. Никто не узнает. — Он убрал телефон. — Теперь о деньгах. Сколько у вас есть?

Вера поморщилась от прямооты. Максим никогда не говорил о деньгах так откровенно — для него это было «некрасиво». Давид же задавал вопрос так, как будто спрашивал о погоде.

— Квартира бабушки. Около девяти миллионов после продажи.

— Мне нужно два миллиона. Остальное ваше.

— Как великодушно.

— Это рыночная цена за гражданство Израиля и мою помощь в процессе, — сухо ответил Давид. — Если найдёте дешевле — пожалуйста.

Вера сжала кулаки под столом. Этот человек был невыносим. Честный до грубости. Прямой до бестактности.

И при этом — смотрел на неё так, как будто действительно не понимал, что не так. Без манипуляций. Без игр. Просто факты.

— Условия оплаты?

— Поэтапно. Треть после регистрации брака. Треть после одобрения документов. Треть после прилёта в Израиль.

— А если вы исчезнете после первой части?

— А если вы? — парировал он. — Поэтому и поэтапно. Взаимные гарантии.

Вера задумалась. Логично, хоть и неприятно.

— У меня есть условие, — сказала она. — Я беру кота.

Давид моргнул, и Вера вдруг заметила, что у него длинные

ресницы. Нечестно длинные для мужчины.

— Кота?

— Рубика. Он летит со мной. В салоне, не в багаже.

— Вы серьёзно? Мы обсуждаем миграцию через фиктивный брак, а вы переживаете за кота?

— Я не бросаю семью, — твёрдо сказала Вера.

Давид потёр переносицу — снял очки, помассировал её пальцами. Без очков его лицо выглядело усталым. И молодым. И каким-то... беззащитным.

— Хорошо. Пусть будет кот. Но если он испортит что-то в квартире...

— В МОЕЙ квартире, — перебила Вера. — Вы переезжаете ко мне, помните?

— Потому что у меня мама.

— Я не это имела в виду!

Они снова уставились друг на друга. Официантка принес-

ла кофе, нервно поставила чашки и быстро ушла.

Давид надел очки обратно, и снова стал неприступным. Сделал глоток кофе — большой, резкий.

— Нам нужно знать друг о друге базовые вещи, — сказал он, меняя тему. — Полное имя?

— Вера Андреевна Рубинская. Двадцать восемь лет. Графический дизайнер.

— Давид Моисеевич Фридман. Тридцать два года. Программист.

Вера посмотрела на него. Моисеевич. Значит, отец был Моисей. Интересно, он жив? И почему Давид в России, если уехал в Израиль в пятнадцать?

— Где родились?

— Москва. Уехал в Израиль в пятнадцать. — Он записывал в блокнот. — Вы?

— Москва. Никуда не уезжала.

Пауза.

— Семья? — спросил Давид.

— Родители погибли, когда мне было шесть. Бабушка умерла неделю назад, — добавила она с горечью.

Давид поднял взгляд. В карих глазах мелькнуло понимание.

— Сожалею.

Два слова. Без пафоса. Без «я знаю, как вам тяжело» и прочих дежурных фраз. Просто — сожалею.

Вера кивнула, не доверяя голосу.

— Легенда знакомства, — сказал Давид, возвращаясь к блокноту. — Где мы встретились?

— В книжном магазине? — предложила Вера.

— Слишком банально.

— Тогда предложите сами, раз вы такой креативный.

— На выставке современного искусства. Винзавод. — Он

посмотрел на неё. — Вы дизайнер, это логично.

Вера прикусила губу, сдерживая резкость. Этот человек выводил её из себя.

— А вы там что делали? Программисты не ходят на выставки искусства.

— Я интересуюсь культурой, — защищался Давид, и Вера заметила, что кончики его ушей слегка покраснели.

— Правда? Назовите хоть одного современного художника.

— Бэнкси.

— Бэнкси знают все, это не считается.

— Тогда Кандинский, — выпалил Давид.

— Кандинский умер в 1944 году! — Вера чуть не рассмеялась. — Это не современное искусство!

— Для меня всё, что после импрессионистов — современное, — пробормотал Давид, краснея уже не только ушами.

Вера покачала головой, и неожиданно для себя улыбнулась. Что-то в его смущении было... милым. Он выглядел как школьник, попавшийся на незнании урока.

— Вы безнадежны. Если консульство спросит о выставке, мы провалимся.

— Тогда придумайте что-то другое.

— Книжный магазин. Вы покупали техническую литературу, я — альбом по дизайну. Столкнулись у кассы.

Давид записал:

— Приемлемо. Кто первый заговорил?

— Вы.

— Почему я?

— Потому что я не заговариваю с незнакомцами в магазинах.

— Я тоже.

Они снова посмотрели друг на друга. И Вера вдруг поду-

мала: «А ведь он правда не из тех, кто знакомится в магазинах». Слишком серьёзный. Слишком в себе.

— Хорошо, — сдался Давид. — Я первый заговорил. О чём?

— О книге, которую я покупала.

— О какой книге?

— Альбом Мухи. Модерн.

— Кто такой Муха?

Вера застонала:

— Альфонс Муха. Чешский художник. Плакаты в стиле ар-нуво. Боже, вы правда ничего не знаете об искусстве!

— А вы что-нибудь знаете о программировании?

— Нет, но я не притворяюсь, что знаю!

— И я не притворяюсь. Я честно признаю, что не разбираюсь.

Вера замолчала. Он прав. Максим всегда притворялся — делал вид, что разбирается во всём, даже когда не разбирался. Давид просто говорил: не знаю.

Честность. Раздражающая, неудобная, но — честность.

— Тогда как мы убедим людей, что у нас есть общие интересы?

Давид задумался:

— Кино. Вы смотрите фильмы?

— Конечно.

— Любимый фильм?

— «Амели». А ваш?

— «Матрица».

Вера фыркнула:

— Конечно. Программист смотрит «Матрицу».

— Что плохого в «Матрице»?

— Ничего. Просто предсказуемо.

— А «Амели» — это не предсказуемо? Французская романтическая комедия?

— «Амели» — это шедевр кинематографа!

— «Матрица» — революция в визуальных эффектах!

Они замолчали, уставившись друг на друга. Официантка снова прошла мимо, косясь на них с беспокойством.

— Мы не сработаемся, — сказала Вера.

— Сработаемся, — возразил Давид, и в его карих глазах мелькнула упрямая решимость. — У нас нет выбора. Вам нужно уехать. Мне нужны деньги. Всё остальное — детали.

— Детали? Мы должны прожить вместе три месяца! Изображать влюблённых! Обманывать вашу мать!

— Я знаю, — холодно ответил он. — И я не в восторге от перспективы жить с истеричной дизайнершей и её котом.

— А я не в восторге от перспективы жить с занудным про-

граммистом, который даже Муху не знает!

Тишина.

Потом Давид достал кошелёк и положил на стол деньги за кофе. Точную сумму. Без чаевых.

— Встретимся завтра. Парк Горького, три часа дня. Сделаем фотографии для досье. — Он встал, и Вера снова отметила, что он действительно высокий. — И постарайтесь выглядеть хотя бы терпимо. Нам нужно убедить людей, что мы пара.

— Постараюсь сдержать отвращение, — язвительно ответила Вера.

— Взаимно.

Он ушёл, не попрощавшись. Вера проводила его взглядом — высокая фигура в клетчатой рубашке, слегка сутулая, руки в карманах джинсов.

Совсем не похож на Максима. Совсем.

Вера осталась сидеть, допивая капучино. Рубик точно не одобрил бы этого человека. Слишком правильный. Слишком

холодный. Слишком... раздражающий.

И при этом — честный. Прямой. Без игр.

После трёх лет с Максимом это было непривычно.

Телефон завибрировал. Сообщение от Давида:

Забыл спросить. Размер кольца? Нужно купить для регистрации.

Вера набрала ответ:

17. И ничего дорогого. Это же фикция.

Я в курсе. До завтра.

Она убрала телефон и посмотрела в окно. Дождь усилился.

Три месяца с этим человеком. Три месяца притворства.

— Рубик меня убьёт, — пробормотала она.

Но деваться было некуда.

Дома Рубик встретил её обиженным молчанием.

— У меня новости, — сказала Вера, насыпая ему корм.

— Плохие новости.

Рубик посмотрел на неё с недоверием.

— К нам въедет сосед. Программист. Невыносимый зануда, который не знает кто такой Муха. — Вера села на пол. — Мы будем притворяться парой. Три месяца.

Кот медленно моргнул.

— Я знаю, это безумие. Но это наш билет в Израиль. Тепло, солнце, новая жизнь. — Она погладила Рубика. — И он... странный. Не такой как Максим. Честный. Прямой. Раздражающий. Но без игр.

Рубик начал есть, игнорируя её монолог.

— Ты его не полюбишь. Я тоже его не люблю. Но нам придётся терпеть.

Телефон завибрировал. Снова Давид.

Ещё вопрос. У вас есть аллергия на что-нибудь? Нужно

знать для совместного проживания.

Нет аллергии. У вас?

На кошачью шерсть.

Вера уставилась на экран.

ВЫ ШУТИТЕ?! У меня кот!

Я знаю. Буду принимать антигистаминные. Просто предупредил.

Вы невыносимы.

Слышал уже сегодня. Спокойной ночи, Вера.

Она швырнула телефон на диван.

— Рубик, — сказала она коту. — Кажется, мы влезли в большие проблемы.

Кот промурлыкал что-то, что можно было интерпретировать как «я предупреждал».

И Вера, сидя на полу своей кухни, подумала, что Давид

Фридман — это полная противоположность Максиму.

Там, где Максим был гладким, Давид был угловатым.

Там, где Максим манипулировал, Давид был прям до грубости.

Там, где Максим притворялся, Давид говорил правду.

Следующие три месяца будут либо полным кошмаром, либо...

Нет. Просто кошмаром. Никаких «либо».

Но почему-то, вспоминая смущённое лицо Давида, когда он пытался вспомнить художника, Вера поймала себя на лёгкой улыбке.

Глава 4: Репетиция

Вера проснулась от звука уведомления. Шесть утра. Кто, чёрт возьми, пишет в шесть утра?

Давид. Конечно же, Давид.

Доброе утро. Прикрепляю анкету для изучения. 47 вопро-

сов о привычках, предпочтениях и истории жизни. Заполните до нашей встречи. 15:00, не опаздывайте.

Вера уставилась на экран. Сорок семь вопросов. В шесть утра. От человека, с которым она знакома один день.

Она набрала ответ:

Вы в своём уме? Сейчас ШЕСТЬ УТРА.

Я знаю. Я уже час работаю. Время --- деньги.

Некоторые люди СПЯТ в шесть утра.

Некоторые люди неэффективно используют время. Анкету жду к обеду.

Вера зарычала и швырнула телефон на кровать. Рубик, разбуженный её движением, недовольно мяукнул.

— Он невыносим, — сказала она коту. — Абсолютно невыносим.

Рубик зевнул, показывая, что его это не касается.

Вера открыла присланный файл. "Анкета взаимного изу-

чения для создания достоверного образа пары". Боже. Он был серьёзен.

Вопрос 1: Любимая еда?

Вопрос 2: Нелюбимая еда?

Вопрос 3: Аллергии (указать все)?

Вопрос 4: Утренний ритуал (подробно)?

Вера прокрутила до конца. Сорок семь вопросов. Некоторые были нормальными. Другие — абсурдными.

Вопрос 23: Как вы спите? (На боку/на спине/на животе, с подушкой/без, температура в комнате)?

Вопрос 31: Самое неловкое свидание в жизни? (Подробности важны для естественности диалога)

Вопрос 40: Что вас раздражает в людях больше всего?

На последний вопрос Вера мысленно ответила: Программисты, которые присылают анкеты в шесть утра.

Она налила себе кофе и села заполнять проклятую анкету.

Если уж влезла в это, надо доводить до конца.

В три часа дня Вера стояла у входа в Парк Горького и мёрзла. Давид

опаздывал. Нет, поправилась она. Давид опаздывал на ТРИ минуты. Что для нормального человека — ничто. Но для того, кто пишет в шесть утра про эффективность времени — лицемерие.

— Вера!

Она обернулась. Давид шёл быстрым шагом, с той же папкой в руках.

Джинсы, тёмная рубашка, очки. Волосы растрёпаны ветром.

— Вы опоздали, — сказала она вместо приветствия.

— На три минуты. Пробки.

— Время — деньги, помните?

Давид поправил очки — жест, который уже начинал её раздражать.

— Вы заполнили анкету?

— Да. Вы?

— Конечно. — Он достал телефон. — Начнём проверку. Любимая еда?

— Паста карбонара. Настоящая, не со сливками.

— Почему вы так агрессивно относитесь к сливкам в карбонаре?

— Потому что это преступление против итальянской кухни!

Давид записал что-то в блокнот:

— "Болезненно относится к кулинарным традициям". Понял.

— Это не болезненно, это правильно! — Вера сжала кулаки. — А вы?

Что вы любите?

— Шакшуку.

— Это что?

— Израильское блюдо. Яйца с овощами, томатами и сыром.

— Звучит просто.

— Потому что это просто. Не нужно устраивать драму из-за еды. Вера глубоко вдохнула, считая до десяти.

— Следующий вопрос.

— Что вас раздражает в людях?

— Педанты, которые всё контролируют, — выпалила Вера.

Давид поднял бровь:

— Записать как есть?

— Записывайте.

— Отлично. Меня раздражают хаотичные люди, которые

не могут организовать своё время.

— Я прекрасно организую своё время!

— Вы опоздали вчера в кофейню на семь минут.

— Я не опаздывала! Я пришла в назначенное время!

— Вы пришли в 15:07. Я написал 15:00.

— Семь минут — это не опоздание!

— Для меня — да.

Они стояли посреди парка и смотрели друг на друга с плохо скрытым

раздражением. Мимо проходили люди, некоторые оглядывались.

— Нам нужны фотографии, — сказал Давид, убирая блокнот. — Для

досье. Попробуем выглядеть хотя бы терпимо.

— Я всегда выгляжу терпимо.

— Сейчас вы выглядите так, будто хотите меня убить.

— Проницательно.

Давид достал телефон:

— Селфи у входа. Встаньте ближе.

Вера нехотя подошла. Давид поднял телефон, и она автоматически

улыбнулась — профессиональная привычка дизайнера, которая знает, как

выглядеть на фото.

— Не так, — сказал Давид.

— Что не так?

— Вы улыбаетесь как на корпоративном фото. Нужно естественнее.

— Это МОЯ естественная улыбка!

— Тогда улыбайтесь по-другому.

— Как именно?

— Не знаю! Более... тепло?

Вера сощурилась:

— Вы сейчас учите меня улыбаться?

— Я пытаюсь сделать так, чтобы мы выглядели как пара, а не как коллеги на тимбилдинге!

— Тогда может, ВЫ попробуете улыбнуться? А то стоите как статуя!

Давид попытался улыбнуться. Получилось натянуто и страшно.

— Боже, — сказала Вера. — Это хуже, чем я думала.

— Спасибо за поддержку.

— Ладно. Давайте просто сделаем несколько кадров. Естественно. Без инструкций.

Они сделали пять попыток. На всех получились либо каменные лица, либо вымученные улыбки.

— Это провал, — констатировала Вера.

— Согласен. — Давид убрал телефон. — Может, попросим кого-то сфотографировать?

Они нашли девушку с фотоаппаратом, которая согласилась помочь. Она начала расставлять их в позы:

— Так, давайте более романтично. Обнимите её за талию.

Давид неловко положил руку Вере на талию. Она напряглась.

— Расслабьтесь! — призвала фотограф. — Вы же пара!

— Мы... новая пара, — выдавила Вера. — Ещё не привыкли.

— Ой, как мило! — Девушка защёлкала затвором. — Тогда просто посмотрите друг на друга. С нежностью. Вера посмотрела на Давида. Он посмотрел на неё. Нежности не случилось.

— Может, вспомните что-то приятное? — предложила фотограф.

— Как мы познакомились, — быстро сказал Давид. — В книжном магазине. Ты покупала альбом Мухи.

— А ты даже не знаешь, кто это, — прошипела Вера сквозь улыбку.

— Знаю. Чешский художник. Я посмотрел в интернете вчера.

— Как романтично.

— Я стараюсь.

Фотограф сделала ещё несколько кадров:

— Отлично! Вы очень милые. Сколько вместе?

— Полгода, — одновременно ответили они.

По крайней мере, легенду запомнили. Девушка сбросила им фотографии и ушла. Вера открыла галерею. На фотографиях они выглядели... странно. Не влюблёнными. Скорее напряжёнными.

— Это не сработает, — сказала она.

— Сработает. Нужно просто больше практики.

— Или меньше взаимной неприязни.

Давид посмотрел на часы:

— Мне нужно к маме. Она ждёт. — Он помолчал. — Кстати, в пятницу она приглашает нас на ужин.

— НАС?

— Я сказал ей, что у меня появилась девушка. Она хочет познакомиться.

Вера почувствовала, как внутри всё сжимается:

— Вы сказали ей про меня? Мы же договорились...

— Я не сказал, что это фикция! — перебил Давид. — Я сказал, что встретил кого-то. Она не должна знать правду.

— Значит, нам придётся врать ей в лицо.

— Да. — Давид снял очки и потёр переносицу. — Вы думаете, мне это нравится? Обманывать маму, которой и так сейчас не легко?

— Тогда зачем вы согласились на это?!

— ПОТОМУ ЧТО У МЕНЯ НЕТ ВЫБОРА! — Он повысил голос, и несколько прохожих обернулись. Давид сделал глубокий вдох. — Извините. Я просто... это не легко для меня.

Вера смотрела на него. Впервые она увидела в его глазах не холодность, а усталость и боль.

— Я приду, — тихо сказала она. — В пятницу. Мы справимся.

— Спасибо.

Неловкая пауза.

— Мне действительно пора, — сказал Давид. — Отправлю вам список того, что нужно знать о моей маме. Имя, привычки, важные даты.

— Ещё один список?

— Да. — Он не извинялся. — До пятницы.

Он ушёл, оставив Веру стоять в парке с телефоном, полным неудачных фотографий.

Вечером Вера сидела на диване с ноутбуком. Рубик устроился рядом, мурлыкая.

— Рубик, я влезла в это дело, — сказала она вслух. — С человеком, который меня раздражает. Мы будем обманывать его больную маму. И жить вместе три месяца.

Кот зевнул.

— Спасибо за моральную поддержку.

Телефон завибрировал. Сообщение от Давида.

Информация о маме. Сара Фридман, 65 лет. Любит готовить, особенно

еврейскую кухню. Говорит много, иногда слишком. Будет задавать личные вопросы — будьте готовы. Не упоминайте болезнь, если она сама не заведёт разговор. Она не любит жалость.

Вера прочитала и ответила:

Понятно. Во сколько в пятницу?

"19:00. Адрес отправлю позже. И Вера?

Да?

Постарайтесь выглядеть так, будто вы хотя бы терпите меня. Мама очень проницательная.

Я актриса с большим стажем. Справлюсь.

Это не комплимент.

Не собиралась делать комплимент.

Вера выключила телефон и посмотрела на Рубика:

— Три месяца, Рубик. Мы должны продержаться три месяца с этим человеком. А потом — свобода.

Кот посмотрел на неё скептически.

— Я знаю. Я тоже не верю. Но выбора не было. Билет в

новую жизнь стоил дорого. И цена включала три месяца в компании самого невыносимого человека, которого она когда-либо встречала.

Вера прикусила губу и открыла файл с вопросами о Саре Фридман.

Если уж играть спектакль — то хорошо.

Глава 5: Фотосессия и обман

Пятница началась с того, что Вера час выбирала, что надеть на встречу с матерью Давида. Рубик наблюдал за хаосом из одежды на кровати с видом

критика на неудачной выставке.

— Синее платье — слишком официально. Джинсы — слишком расслабленно. Это же первая встреча с матерью жениха, — Вера прикусила губу. — Боже, я схожу с ума.

Телефон завибрировал.

Давид: Не опаздывайте. 19:00 --- это 19:00, а не 19:07.

Вера зарычала и набрала ответ:

Я ЗНАЮ, как определять время, спасибо.

Судя по прошлому опыту --- нет.

Вы невыносимы.

Взаимно. Кстати, мама готовит шакшуку. Надеюсь, у вас нет аллергии на яйца?

Нет. А вы взяли антигистаминные? Рубик очень пушистый кот, шерсть от него по всей квартире.

Уже принял. До вечера.

Вера швырнула телефон на кровать. В итоге выбрала простое тёмно-синее платье и бежевый кардиган — что-то среднее между "я старалась" и "я не перестаралась".

К квартире Сары Вера подошла ровно в 18:58. Давид уже стоял у подъезда, в рубашке и джинсах, с букетом цветов в руках.

— Вы опоздали, — сказал он вместо приветствия.

— Сейчас 18:58!

— Я сказал встретимся у подъезда в 18:55, чтобы обсудить последние детали.

— Вы сказали "в семь вечера"!

— Я написал "встретимся заранее".

Вера сжала кулаки:

— Знаете что...

— Тихо, — перебил Давид. — Мама может услышать. — Он протянул ей цветы. — Держите. Это от вас.

— От меня?

— Вы же идёте знакомиться. Логично принести цветы.

— А вы что принесли?

— Я её сын. Мне не нужно.

Вера взяла букет, кусая губу от раздражения.

— Слушайте внимательно, — Давид понизил голос. —

Мама очень наблюдательная. Если мы будем вести себя как враги, она поймёт. Нужно быть убедительными.

— Я понимаю.

— Касания. — Он взял её за руку. Вера вздрогнула. — Видите? Вы реагируете, как будто я вас ударил. Расслабьтесь.

— Трудно расслабиться с человеком, который меня бесит.

— Постарайтесь. Ради мечты.

Вера глубоко вдохнула:

— Хорошо. Я справлюсь. А вы постарайтесь улыбаться хотя бы иногда.

— Я улыбаюсь.

— Это не улыбка. Это оскал.

— У вас тоже получается не лучше.

Они посмотрели друг на друга, и внезапно Вера фыркнула. Давид тоже чуть улыбнулся — настоящей улыбкой, без напряжения.

— Может, если мы будем спорить, это выглядит как флирт? — предположила она.

— Сомневаюсь. Но попробуем. — Давид поправил очки.
— Готовы?

— Нет. Но пошли.

Они поднялись на четвёртый этаж. Давид позвонил в дверь, и она открылась почти мгновенно.

— Давидик! — Сара Фридман оказалась невысокой женщиной с платком на

голове и невероятно тёплой улыбкой. Она обняла сына, потом отстранилась

и критически осмотрела его. — Ты похудел! Я же говорила есть нормально!

— Мама, я не похудел...

— Похудел, похудел! — Сара махнула рукой и повернулась к Вере. Её глаза стали мягче. — И это, значит, Вера? Ой, какая красивая!

Вера протянула цветы, чувствуя себя неловко:

— Здравствуйте. Очень приятно.

— Сара, — женщина крепко обняла её, пахло корицей и чем-то домашним.

— Заходите, заходите! Давид, почему ты не сказал, что она такая красивая?

— Я говорил, что она красивая, — пробормотал Давид.

— Говорил симпатичная. Это не то же самое! — Сара за-тащила их в квартиру. — Садитесь, всё готово!

Стол был накрыт так, будто ждали человек десять. Огромная сковорода с шакшукой, хала, салаты, хумус, запечённые овощи.

— Сара, это слишком много, — начала Вера.

— Что значит много?! Это как раз нормально! — Сара начала накладывать им полные тарелки. — Вера, ты ела сегодня? Ты такая худенькая!

— Я... обедала.

— Обедала чем? Салатиком? — Сара покачала головой.

— Нет-нет-нет.

Ешь, ешь! Тебе нужно мясо! Мужчинам нравятся женщины с формами, правда, Давид?

Давид покраснел:

— Мама!

— Что мама? Я правду говорю!

Вера прикусила губу, сдерживая улыбку. Сара была... очень активной. Но в хорошем смысле.

Они начали есть. Шакшука оказалась восхитительной — острой, ароматной, с идеально приготовленными яйцами.

— Это невероятно вкусно, — искренне сказала Вера.

— Вот видишь! — Сара довольно кивнула. — Давид, тебе нужно научиться так готовить для Веры.

— Я умею готовить, мама.

— Яичницу! Это не готовка! — Сара повернулась к Вере.

— Он тебе готовит?

Вера на секунду растерялась. Они же не живут вместе. Ещё.

— Иногда, — быстро соврала она.

— Мама, — предупреждающе сказал Давид.

— Что? Я не могу спросить? Я просто интересуюсь жизнью сына! — Сара

не сводила взгляда с Веры. — Ну?

— Пару раз в неделю, — ответила Вера, надеясь, что это звучит правдоподобно.

— Всего пару раз? — Сара нахмурилась. — Давид, почему так редко? У тебя такая красивая девушка, а ты видишься с ней два раза в неделю?

— Мы оба работаем, мама. У Веры проекты, у меня дедлайны...

— Работа, работа! — Сара всплеснула руками. — Жизнь проходит, а вы в работе! Когда я была молодая, мы с твоим отцом виделись каждый день!

— Это было другое время, — пробормотал Давид.

— Время одно! Любовь не меняется! — Сара посмотрела на Веру.

— Скажи ему, Верочка. Скажи, что хочешь видеться чаще.

Вера почувствовала, как Давид напрягся рядом. Под столом он нашёл её руку и сжал — может, для убедительности, может, в поисках поддержки.

— Я понимаю, что у Давида много работы, — мягко сказала Вера. — И честно говоря... — Она посмотрела на него, и внезапно слова полились сами. — Мне нравится, что он не душит меня вниманием. Что у нас обоих есть своё пространство.

Это была правда. Максим требовал её внимания 24/7. Давид же... Давид раздражал её, но не контролировал.

— Ой, умница какая! — Сара улыбнулась. — Мудрая де-

вочка.

Пространство — это важно. Но и близость важна! — Она подмигнула. — Так что, когда свадьба?

Вера поперхнулась чаем. Давид закашлялся.

— Мама! — выдавил он. — Мы... мы только полгода вместе!

— И что? Полгода — это много! Я твоего отца три месяца знала, когда он сделал предложение!

— Это было в 1980-м, мама!

— Любовь не зависит от года! — Сара повернулась к Вере. — Верочка, ты хочешь детей?

— Я... когда-нибудь, наверное, — Вера чувствовала, как горят щёки.

— Когда-нибудь — это хорошо! — Сара довольно кивнула. — Давид, слышишь? Она хочет детей!

— Мама, мы ТОЛЬКО познакомились!

— Полгода — это не только! Наше поколение в вашем возрасте уже имело несколько детей!

Давид закрыл лицо руками. Вера изо всех сил старалась не рассмеяться.

— Сара, — осторожно сказала она, — мы не торопимся. Хотим сначала

узнать друг друга получше.

— Умница! Правильно! — Сара похлопала её по руке. — Не то что некоторые, кто женился через месяц, а потом разводятся. — Она посмотрела на Давида многозначительно.

Повисла неловкая тишина. Вера вспомнила — у Давида был брак. Неудачный.

— Мама, — тихо сказал Давид. — Не надо.

Сара вздохнула:

— Извини, Давидик. Просто я так рада, что ты встретил хорошую девочку.

— Она посмотрела на Веру с теплотой. — Ты хорошая,

Верочка. Я вижу. И главное — ты на него не так смотришь, как та.

— Как та? — не удержалась Вера.

— Как на кошелёк. — Сара поморщилась. — Его бывшая жена любила деньги больше, чем его. Я сразу видела, но он не слушал.

— Мама...

— Что? Правда же! — Сара налила Вере чай. — А ты смотришь на него по-другому. Иногда с раздражением — это я заметила, — она усмехнулась, — но не с расчётом. А раздражение — это нормально. Я на Моисея тоже иногда злилась. Он храпел как трактор!

Вера не удержалась и рассмеялась. Давид посмотрел на неё — удивлённо, но с благодарностью.

— Вот! — воскликнула Сара. — Вот такой смех мне нравится! Искренний!

Остаток вечера прошёл легче. Сара рассказывала истории — про переезд в Израиль (мы приехали с двумя чемоданами и большими надеждами), про молодого Давида (разобрал те-

левизор в пять лет — отец был в шоке), про мужа (пятьдесят семь лет — это не возраст, но курение его

убило).

Вера слушала, задавала вопросы, и где-то между историями и смехом почти забыла, что это всё — игра. Почти.

Они вышли от Сары около десяти вечера, нагруженные судочками с едой.

— Она потрясающая, — сказала Вера, когда они спустились во двор.

— Я знаю. — Давид остановился у скамейки. — И спасибо. Ты... справилась хорошо.

— Ты тоже. Почти не поправлял очки.

— Заметила?

— Трудно не заметить. Ты делаешь это каждые две минуты.

Давид осознанно убрал руку от лица:

— Нервная привычка.

— Знаю.

Они помолчали. Холодный ноябрьский ветер гонял листья по двору.

— Она не должна была спрашивать про свадьбу, — вдруг сказал Давид.

— Извини.

— Всё нормально. Она мать. Она хочет видеть тебя счастливым.

— Да. — Он посмотрел на окна квартиры. — Поэтому она не может узнать правду. Никогда.

Вера кивнула, чувствуя тяжесть в груди. Сара была хорошим человеком. Обманывать её было... неправильно. Но выбора не было.

— Когда ты переезжаешь? — спросила Вера, меняя тему.

— Послезавтра. Воскресенье. У меня немного вещей.

— И начинается наш спектакль.

— Да. — Давид повернулся к ней. — Три месяца совместного проживания. Ты готова терпеть меня?

— А ты готов терпеть меня?

— Придётся.

— Взаимно.

Они посмотрели друг на друга, и Вера вдруг подумала, что его глаза за стёклами очков не такие уж холодные. Усталые. Грустные. Но не холодные.

— Мне пора, — сказала она. — Рубик ждёт.

— Передавай ему. И готовь к соседу.

— Он тебя возненавидит.

— Взаимно.

Вера усмехнулась и пошла к метро. Обернулась — Давид всё ещё стоял у скамейки, глядя на окна квартиры матери. И что-то в этой картине кольнуло её в сердце.

Дома Рубик встретил её требовательным мяуканьем.

— Привет, — Вера насыпала ему корм. — У меня новости. В воскресенье к нам въезжает Давид. Кот посмотрел на неё с подозрением.

— Я знаю, ты его не любишь. Но придётся смириться. — Вера села на пол рядом. — Знаешь, что странно? Его мама... она хорошая. Очень хорошая. И мы обманываем её.

Рубик продолжал есть, не комментируя.

— Давид делает это ради неё. Чтобы спасти ей жизнь. А я... я просто хочу сбежать. — Вера прикусила губу. — Это эгоистично?

Телефон завибрировал.

Давид: Мама в восторге от тебя. Написала мне десять сообщений о том, какая ты замечательная.

Вера: Мне она тоже понравилась. Извини, что пришлось обманывать её.

Не извиняйся. Это была моя идея. И спасибо, что поддер-

жала меня

сегодня.

Не за что. До воскресенья?

До воскресенья. И Вера?

Да?

Ты правда хорошо сыграла. Почти поверил, что мы вместе.

Вера уставилась на экран. Что на это ответить?

Ты тоже. Почти не казался занудой.

Это комплимент?

Скорее наблюдение.

Спокойной ночи, Вера.

Спокойной ночи, Давид.

Вера выключила телефон и посмотрела на Рубика:

— Три месяца, Рубик. Мы должны притворяться три месяца. И знаешь, что самое страшное?

Кот посмотрел на неё.

— Сегодня вечером... я почти забыла, что притворяюсь. И это было по-настоящему пугающе.

Глава 6: Консультант

В субботу они встретились у входа в старый бизнес-центр на окраине.

Игорь Васильев, консультант по репатриации, работал на третьем этаже в офисе с табличкой "Консультации. Звонить".

— Ты опоздала, — сказал Давид вместо приветствия.

Вера посмотрела на часы. 13:58.

— Еще ДВЕ минуты!

— Я сказал без опозданий.

— Две минуты — это не опоздание!

— Для меня — да.

Вера глубоко вдохнула, считая до десяти.

— Знаешь что? Если мы так и будем ссориться, консультант сразу поймёт,

что мы не пара.

— Тогда перестань опаздывать.

— Тогда перестань быть занудой!

Дверь офиса открылась. В проёме стоял мужчина лет сорока пяти — среднего роста, в мятой рубашке, с усталым лицом.

— Фридман? — спросил он.

— Да, — ответил Давид.

— Я Игорь. — Мужчина окинул их взглядом. — Заходите. И прекратите ссориться на лестнице. Соседи жалуются.

Вера покраснела. Давид поправил очки.

Они вошли в маленький захламлённый офис. Стол, три стула, шкаф с папками, пепельница с окурками.

— Садитесь, — Игорь указал на стулья и сам уселся за стол. — Значит, фиктивный брак для репатриации. Сколько вместе?

— Полгода, — одновременно ответили Вера и Давид.

— Где познакомились?

— В книжном магазине, — сказала Вера.

— На Арбате, — добавил Давид.

Игорь записал:

— Какой магазин?

Вера и Давид переглянулись. Они не обсуждали этот вопрос.

— Москва, — быстро соврала Вера.

— Библио-Глобус, — одновременно сказал Давид.

Игорь поднял бровь.

— Так какой?

— Библио-Глобус, — твёрдо сказал Давид. — Она запуталась.

— Я не запуталась! Просто мы потом зашли в Библио-Глобус, но познакомились в "Москве"!

— Вера, мы встретились в Библио-Глобусе. Я покупал книгу по программированию, ты — альбом Мухи.

— Альфонса Мухи, — автоматически поправила Вера.

Игорь посмотрел на них долгим взглядом:

— Вы понимаете, что на интервью в консульстве вас будут спрашивать по отдельности? И если ваши истории не совпадут — вас вычислят за секунду?

Вера сглотнула. Давид напрягся.

— Мы знаем, — сказал он.

— Судя по последним двум минутам — не знаете. — Игорь откинулся на спинку кресла. — Вы ведёте себя не как пара, которая полгода вместе.

Вы ведёте себя как враги на деловых переговорах.

— Мы просто... нервничаем, — попыталась оправдаться Вера.

— Нервничаете? — Игорь усмехнулся. — Или друг друга на дух не переносите?

Тишина.

— Слушайте, — Игорь достал сигарету, но не закурил — просто крутил в пальцах. — Я работаю в этом бизнесе пятнадцать лет. Я видел сотни фиктивных браков. И знаете, что объединяет все провалившиеся пары?

— Что? — тихо спросила Вера.

— Они не могут притвориться, что хотя бы терпят друг друга. — Он посмотрел на них. — Консульство не требует страстной любви. Им достаточно правдоподобности. Но если вы будете ссориться из-за названия магазина — вы про-

валитесь.

Давид сжал кулаки:

— Мы исправимся.

— Как?

— Будем... репетировать.

— Репетировать? — Игорь фыркнул. — Это не спектакль, где можно зазубрить текст. Это жизнь. Вам нужно научиться ладить. По-настоящему.

— Мы ладим, — возразила Вера.

— Правда? Тогда скажите мне — что больше всего раздражает вас в нём?

Вера на секунду растерялась. Потом слова полились сами:

— Он педант. Зануда. Помешан на пунктуальности. Постоянно поправляет очки. Не понимает искусство. Присылает списки в шесть утра...

— Достаточно. — Игорь повернулся к Давиду. — А вы?

Давид говорил ровно, но в голосе слышалось раздражение:

— Она хаотичная. Опаздывает. Принимает решения эмоционально, а не логически. Тратит час на выбор одежды. Защищает кота больше, чем человеческие отношения...

— Я не защищаю кота больше...

— Вы поставили условие, что кот летит в салоне!

— Потому что он СЕМЬЯ!

— СТОП! — Игорь ударил ладонью по столу. Вера и Давид замолчали.

— Вы слышите себя? Вы даже не живёте вместе, а уже готовы убить друг

друга.

— Мы начинаем жить вместе завтра, — пробормотал Давид.

— Тогда у меня для вас новость. — Игорь открыл папку.

— Либо вы научитесь ладить, либо можете забыть про репатриацию. Консульство вас раскусит. Я видел такое десятки раз.

Вера почувствовала, как внутри всё холодеет.

— Что нам делать?

— Во-первых, договориться об истории. Раз и навсегда. Где встретились, кто первый заговорил, какая была погода, что вы ели на первом свидании.

Всё. До мелочей.

— У нас есть легенда, — сказал Давид.

— Плохая легенда, если вы не можете вспомнить название магазина.

Игорь достал чистый лист. — Сейчас вы сядете и распишете вашу историю от первой встречи до сегодня. День за днём. И будете репетировать, пока не выучите наизусть.

— Во-вторых? — спросила Вера.

— Во-вторых, притворяться, что вы пара. Постоянно. Да-

же когда вас никто не видит.

— Зачем притворяться, когда никто не видит? — не понял Давид.

— Потому что, если вы будете включать режим "любящая пара" только при свидетелях, это будет фальшиво. Люди чувствуют наигранность.

Игорь посмотрел на них. — Вы должны привыкнуть друг к другу. К касаниям. К близости. К тому, чтобы быть в одном пространстве без желания убить.

Вера и Давид переглянулись.

— И, в-третьих, — продолжил Игорь, — решите ваши личные проблемы.

Если вы друг друга действительно ненавидите — найдите способ ужиться.

Потому что три месяца в одной квартире с человеком, которого ненавидишь — это ад. А вам нужно выглядеть счастливыми.

— Мы не ненавидим друг друга, — тихо сказала Вера.

— Нет? — Игорь скептически посмотрел на неё. — Тогда что?

Вера задумалась. Она действительно ненавидела Давида? Нет. Он раздражал её. Бесил. Выводил из себя. Но ненависти не было.

— Мы... просто разные, — сказала она.

— Очень разные, — добавил Давид.

— Тогда найдите общее. — Игорь закрыл папку. — Общее хобби, общий

фильм, общую шутку. Что угодно, что свяжет вас. Потому что сейчас вы выглядите как два незнакомца, которых заставили жить вместе.

— Мы и есть два незнакомца, которых заставили жить вместе, — пробормотала Вера.

Игорь усмехнулся:

— Тогда срочно перестаньте быть незнакомцами.

Он достал договор и начал объяснять условия. Вера слушала вполуха. В голове крутилась одна мысль: как ужиться с человеком, который тебя раздражает?

— Вопросы? — спросил Игорь, заканчивая.

— Один, — сказал Давид. — Если у Веры есть навязчивый бывший, который может создать проблемы... что делать?

Игорь нахмурился:

— Насколько навязчивый?

— Звонит с разных номеров. Следит. Узнал, что она продаёт квартиру.

— Это проблема. — Игорь посмотрел на Веру. — Если он пойдёт в консульство с заявлением о фиктивности брака — вам конец.

Вера побледнела:

— Он не знает про Давида. Того что я встретила кого-то.

— Лучше — пусть видит вас вместе. Публично. Чтобы понял, что всё серьёзно.

Давид кивнул:

— Понял.

— Следующая встреча — через неделю, — сказал Игорь. — К тому времени: живёте вместе, есть совместные фотографии, история знакомства без расхождений. И самое главное...

— Что? — спросила Вера.

— Перестаньте смотреть друг на друга как на врагов. Найдите хотя бы одну вещь, которая вам нравится в другом.

Вера и Давид одновременно открыли рты, чтобы возразить, но Игорь поднял руку:

— Одну. Это не сложно. Попробуйте.

Они вышли из офиса в тишине. На улице моросил дождь.

— Одну вещь, — пробормотала Вера. — Он серьёзно?

— Видимо, да. — Давид поправил очки. Остановился. Посмотрел на неё.

— Хорошо. Я начну. Что мне нравится в тебе?

Вера напряглась, ожидая колкости.

— Ты честная, — неожиданно сказал Давид. — Не пытаешься льстить или манипулировать. Говоришь то, что думаешь. Это... редкость.

Вера моргнула, ошеломлённая.

— Твоя очередь, — сказал Давид.

Она прикусила губу, думая. Что ей нравилось в нём?

— Ты заботишься о матери, — наконец сказала она. — Ты вернулся ради неё. Бросил жизнь в Израиле. Идёшь на фиктивный брак, чтобы спасти её. Это... благородно.

Давид посмотрел на неё долгим взглядом. Что-то в его глазах изменилось.

— Спасибо, — тихо сказал он.

— Не за что.

Они стояли под дождём, и впервые за всё время знакомства не было желания спорить.

— Завтра я переезжаю, — сказал Давид. — Готова к совместному проживанию?

— Нет, — честно ответила Вера. — А ты?

— Тоже нет.

Они улыбнулись — одновременно, без напряжения.

— Но попробуем, — сказала Вера.

— Попробуем, — согласился Давид.

И в этот момент Вера подумала, что, может быть, это не будет так ужасно, как она думала.

Может быть.

Глава 7: Переезд

Воскресенье. День, когда Давид Фридман официально въезжал в квартиру Веры Рубинской. И начало их трёхмесячного спектакля.

Вера проснулась в семь утра, хотя Давид должен был приехать только к обеду. Рубик сидел на подоконнике и наблюдал за двором с видом генерала перед битвой.

— Готов к новому соседу? — спросила Вера.

Рубик медленно моргнул. Это означало либо "да", либо "я уже планирую мечь". С котами никогда не знаешь.

Вера провела утро, убирая квартиру. Освободила половину шкафа, убрала свою косметику с полки в ванной, сложила книги компактнее. К одиннадцати квартира выглядела... готовой принять незнакомца.

Хотя готова ли была сама Вера — вопрос открытый.

Ровно в двенадцать раздался звонок в дверь.

— Конечно, ровно в двенадцать, — пробормотала Вера, идя открывать.

— Минута в минуту.

Давид стоял на пороге с двумя большими сумками и рюкзаком.

— Здравствуй, — сказал он. — Я вовремя?

— Идеально вовремя. Как всегда.

Он не уловил сарказма:

— Хорошо. Можно войти?

Вера отступила. Давид вошёл, огляделся.

— Уютно, — сказал он. — Хотя немного... хаотично.

Вера посмотрела на свою квартиру глазами постороннего. Книги на полках стояли не по росту. Плед на диване был небрежно накинут. На столе кружка с недопитым кофе.

— Это называется "жилое пространство", — защищалась она. — Не все живут как в каталоге Икеа.

— Я не живу как в каталоге Икеа.

— Правда? Вчера в вашей квартире даже книги стояли по алфавиту.

— По темам, не по алфавиту.

— Это хуже!

Рубик появился из комнаты, увидел Давида и остановился. Секунду они смотрели друг на друга. Потом кот развернулся и демонстративно ушёл

обратно.

— Он меня не любит, — сухо заметил Давид.

— Он ко всем так поначалу.

— Врёшь. Он меня ненавидит.

— Ну... возможно, немного.

Давид поставил сумки:

— Покажешь, где я буду спать?

Неловкая пауза.

— Диван раскладывается, — быстро сказала Вера. — Или... кровать большая. Можем делить. Для достоверности. Если консульство придёт проверять.

Давид поправил очки:

— Игорь говорил, что проверки бывают редко.

— Но бывают.

— Тогда... давай начнём с дивана. Потом посмотрим.

Вера выдохнула с облегчением:

— Хорошо. Я принесу постельное бельё.

Пока Давид раскладывал вещи, Вера застилала диван. Они двигались по квартире, старательно не сталкиваясь, как два магнита с одинаковыми полюсами.

— Ванная занята с семи до восьми утра, — сказала Вера.

— Это моё время.

— Мне нужна ванная в шесть. Я встаю рано.

— В ШЕСТЬ? Кто встаёт в шесть в выходные?!

— Я. Каждый день.

— Это ненормально.

— Это продуктивно.

Вера закатила глаза:

— Ладно. Шесть — твоё. Семь — моё. Не пересекаемся.

— Договорились.

К часу дня Давид разложил свои вещи. Как и обещал, их было немного: одежда, книги, ноутбук, провода. Всё аккуратно, всё на своих местах.

— Ты всегда такой... организованный? — не удержалась Вера.

— А ты всегда такая... спонтанная?

— Это называется "творческий беспорядок".

— Это называется "беспорядок".

Они посмотрели друг на друга. Напряжение росло.

— Может, поедим? — предложила Вера. — Я закажу пиц-

цу.

— Пиццу? В обед? — Давид поморщился. — Это нездоровая еда.

— Это вкусная еда.

— Жирная, с простыми углеводами и переизбытком соли.

Вера уставилась на него:

— Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно. Я могу приготовить что-то полезное.

— Например?

— Куриную грудку с овощами на пару.

— Звучит как диета для бодибилдера.

— Звучит как здоровое питание.

Вера прикусила губу, сдерживая резкость:

— Знаешь что? Готовь. Посмотрим на твоё "здоровое пи-

тание".

Давид прошёл на кухню и открыл холодильник. Изучил содержимое с видом археолога, нашедшего странный артефакт.

— У тебя тут только сыр, йогурт и остатки салата, — констатировал он.

— Я не часто готовлю.

— Вижу.

— Обычно заказываю еду.

— Нездоровую еду.

— ВКУСНУЮ еду!

Давид закрыл холодильник:

— Нам нужно сходить в магазин. Купить нормальные продукты.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Но уже два часа! Я голодна!

— Тогда пошли быстрее.

Магазин превратился в поле битвы.

— Нам не нужны чипсы, — сказал Давид, забирая у Веры пачку.

— Мне нужны чипсы!

— Это пустые калории.

— Это счастье в пакете!

Давид положил чипсы обратно на полку и взял упаковку орехов:

— Орехи — полезнее.

— Орехи — скучнее.

— Орехи содержат омега-3 жирные кислоты и белок.

— Чипсы содержат радость и вкус.

Они стояли в проходе супермаркета, держа каждый свою позицию. Мимо прошла пожилая пара, покосившись на них с любопытством.

— Мы ссоримся из-за чипсов, — осознала Вера.

— Технически — из-за твоего питания, — поправил Давид.

— ТЕХНИЧЕСКИ — из-за твоего занудства!

Давид глубоко вдохнул:

— Хорошо. Компромисс. Берём орехи и один пакет чипсов.

— Два пакета.

— Один.

— Полтора.

— Как можно взять полтора пакета?!

— Один большой и один маленький!

Давид помолчал, просчитывая варианты:

— Приемлемо.

Они дошли до кассы с тележкой, полной противоречий: куриная грудка и пицца, овощи и мороженое, орехи и чипсы.

— Мы не сработаемся, — пробормотала Вера, укладывая покупки на ленту.

— Сработаемся, — возразил Давид. — Просто нужно время.

— Сколько времени?

— Три месяца.

— Это оптимистично.

Вечером Давид готовил ужин. Вера сидела на диване с ноутбуком, делая вид, что работает над дизайном. На самом деле наблюдала, как он двигается по кухне — методично, точно, как робот.

— Ты всегда так готовишь? — спросила она.

— Как?

— Как будто следуешь инструкции пошагово.

— А как ещё?

— Импровизировать. Добавлять специи на глаз. Пробовать.

— Рецепт существует неспроста. Если следовать ему точно, получается правильно.

— Но скучно.

Давид повернулся к ней:

— Ты считаешь меня скучным?

Вера не ожидала такой прямоты:

— Я... не это имела в виду.

— Что тогда?

— Что ты слишком правильный. Предсказуемый. — Она прикусила губу.

— Без импровизации.

Давид вернулся к плите:

— Импровизация приводит к ошибкам.

— Иногда импровизация приводит к открытиям.

— А иногда — к катастрофам.

Вера закрыла ноутбук:

— Ты боишься ошибок, да?

Давид не ответил сразу. Помешивал что-то на сковороде.

— Я просто предпочитаю контроль, — наконец сказал он.

— Контроль — это иллюзия.

— Хаос — это тоже не выход.

Они замолчали. На сковороде шипели овощи. Рубик ле-

жал на подоконнике и притворялся, что спит.

Ужин оказался... съедобным. Даже вкусным, хотя Вера не хотела это признавать вслух.

— Неплохо, — сказала она.

— Спасибо.

— Но в следующий раз добавь больше специй.

— Специй было достаточно.

— Было пресно.

— Было идеально сбалансировано!

И они снова спорили. О специях. О вкусе. О том, что значит "правильно".

Рубик спрыгнул с подоконника и демонстративно ушёл в комнату.

— Даже кот устал от нас, — заметила Вера.

Давид посмотрел на закрытую дверь комнаты:

— Он меня правда ненавидит?

— Дай ему время. Он просто не привык к чужим.

— Я пробуду здесь три месяца. Это не "чужой".

— Для Рубика три месяца — это временный квартирант.

Давид усмехнулся — первый раз за весь день:

— Справедливо.

К ночи напряжение достигло пика. Вера пыталась работать, но звук клавиатуры Давида выводил из себя. Он печатал быстро, резко, как автомат.

— Можешь печатать тише? — не выдержала она.

Давид поднял голову от ноутбука:

— Что?

— Ты стучишь как дятел.

— Я просто печатаю.

— ГРОМКО печатаешь.

— У меня дедлайн. Мне нужно работать.

— А мне нужно сосредоточиться!

— Тогда иди в комнату!

— Это МОЯ квартира!

— В которой я теперь живу!

Они уставились друг на друга. Тишина звенела.

— Прости, — вдруг сказал Давид. — Я правда не хотел...
я просто привык работать по ночам.

Вера выдохнула:

— Я тоже прошу прощения. Просто... это непривычно.
Кто-то ещё в моём пространстве.

— Понимаю. — Давид закрыл ноутбук. — Я закончу завтра.

— Нет, работай. Я пойду в комнату.

— Вера...

— Правда. Всё нормально.

Она встала, взяла ноутбук и ушла в спальню. Закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной. Рубик лежал на кровати и смотрел на неё с выражением "я предупреждал".

— Это первый день, — прошептала Вера. — Первый чёртов день. А я уже хочу его убить.

Кот промурлыкал что-то, похожее на сочувствие.

Вера легла на кровать, слушая приглушённый звук клавиатуры из гостиной. Три месяца. Девяносто дней. Она не знала, переживёт ли это.

Утро началось с катастрофы. В шесть утра Вера проснулась от звука воды в ванной. Давид. Который, конечно же, встал ровно в шесть.

Она попыталась снова уснуть, но не получилось. В семь поползла в ванную и обнаружила, что пол мокрый, зеркало запотевшее, а её шампунь передвинут.

— Серьёзно?! — крикнула она в сторону кухни.

Давид появился в дверях с кружкой кофе:

— Что?

— Ты не мог вытереть за собой?!

— Я вытер.

— ПОЛ МОКРЫЙ!

— Я вытирал полотенцем.

— Плохо вытирали!

Давид посмотрел на пол:

— Извини. В следующий раз буду тщательнее.

— И не трогай мой шампунь!

— Я его просто передвинул, чтобы поставить своё мыло.

— НЕ ТРОГАЙ МОИ ВЕЩИ!

Давид поставил кружку на раковину:

— Хорошо. Не буду. Извини.

Вера захлопнула дверь ванной. Села на край ванны. Глубоко дышала. Это безумие. Абсолютное безумие. Её телефон завибрировал. Сообщение от незнакомого номера.

"Вера, это Максим. Мне сказали, ты живёшь теперь с кем-то. Это правда? Позвони мне. Нам нужно поговорить".

Вера уставилась на экран. Господи. Откуда он узнал?

Она вышла из ванной. Давид сидел на кухне с ноутбуком.

— Проблема, — сказала она, показывая телефон.

Давид прочитал и нахмурился:

— Откуда он знает?

— Не знаю. Может, кто-то из соседей видел тебя с вещами.

— Что будем делать?

Вера прикусила губу:

— Игорь говорил — пусть видит нас вместе. Публично.

— Тогда сегодня идём гулять. Как пара. Делаем фотографии. Выкладываем в соцсети.

— У меня нет соцсетей.

— Тогда заведи.

— Зачем?!

— Для достоверности! Пары постят фотографии!

Вера застонала:

— Я ненавижу соцсети.

— А я ненавижу хаос. Но мы оба идём на компромиссы.

Они посмотрели друг на друга. И вдруг Вера рассмеялась — неожиданно, громко.

— Что? — не понял Давид.

— Мы. — Она не могла остановиться. — Мы ссоримся из-за соцсетей. После того как поссорились из-за шампуня и чипсов.

Давид тоже усмехнулся:

— Мы правда невыносимы.

— Катастрофически невыносимы.

— Игорь был прав. Мы враги.

— Худшие враги.

Они смеялись, и напряжение чуть спало.

— Ладно, — сказала Вера, вытирая слёзы. — Идём гулять. Делаем фотографии. Изображаем счастливую пару.

— Попробуем не убить друг друга по дороге?

— Попробуем.

И Вера подумала, что, может быть — может быть — они справятся.

Если не убьют друг друга в ближайшие сутки.

Глава 8: ЗАГС и первые трещины

Прошло две недели с переезда Давида. Две недели ссор из-за температуры в квартире (Вера мёрзла, Давид варился), из-за громкости музыки (инди-рок против тишины), из-за мытья посуды (Вера откладывала, Давид мыл сразу).

Две недели притворства перед Сарой, которая звонила каждый день и спрашивала, как у них дела. "Прекрасно, мама", — врал Давид, пока Вера за его спиной показывала средний палец.

Но сегодня они шли в ЗАГС. Подавать заявление на брак.

— Готова? — спросил Давид, стоя у двери.

Вера смотрела на себя в зеркало. Чёрные брюки, светлая блузка.

Минимальный макияж. Волосы распущены.

— Нет, — честно ответила она. — А ты?

— Тоже нет.

Они вышли из квартиры. В лифте молчали. На улице было холодно — середина ноября, серое небо, ветер.

— Ты нервничаешь? — спросила Вера.

— Немного. — Давид поправил очки. — Это всё-таки брак. Даже если фиктивный.

— У тебя уже был брак.

— Поэтому я и нервничаю.

Вера посмотрела на него:

— Расскажешь когда-нибудь? О бывшей жене?

— Когда-нибудь. Не сегодня.

ЗАГС на Бутырской встретил их торжественной атмосферой и очередью из пар. Молодые, счастливые, влюблённые.

Вера и Давид сидели на жёстких стульях и молчали.

— Мы выглядим как на похоронах, — прошептала Вера.

— Согласен. Нужно улыбаться.

— Не могу. Лицо не слушается.

— У меня та же проблема.

Рядом сидела пара — девушка в белом платье, парень в костюме, оба светились.

— Вы тоже подаёте заявление? — спросила девушка.

— Да, — ответила Вера.

— Как романтично! Когда познакомились?

— Полгода назад. В книжном магазине.

— Ой, как мило! — Девушка толкнула парня локтем. — Слышишь? В книжном! Как в фильме!

Вера улыбнулась натянуто. Давид молчал.

— А мы познакомились в университете, — продолжала девушка. — Три года вместе. Я сразу поняла, что он тот самый. Вы тоже сразу поняли?

Вера и Давид переглянулись.

— Не сразу, — осторожно ответила Вера. — Мы... долго притирались.

— До сих пор притираемся, — пробормотал Давид.

— Это нормально! — девушка рассмеялась. — Главное — любовь!

Их вызвали к окошку. Женщина за стеклом — усталая, но добрая приняла документы.

— Вы уже приходили? — спросила она, взглянув на Веру.

— Да. Две недели назад. Консультировалась.

— Помню. — Женщина начала заполнять бумаги. — Значит, решились?

— Решились, — твёрдо сказал Давид.

— Дата свадьбы — двадцать третье ноября. Время пятнадцать ноль-ноль.

Свидетели?

— Моя мама и подруга невесты, — ответил Давид.

Женщина записала. Протянула бланк:

— Подпишите здесь.

Вера взяла ручку. Рука дрожала. Она расписалась — Рубинская Вера

Андреевна.

Давид расписался рядом — ровно, без дрожи.

— Поздравляю, — сказала женщина. — Увидимся через месяц. Будьте счастливы.

Они вышли из ЗАГСа. Остановились на улице.

— Вот и всё, — сказала Вера. — Мы официально помолвлены.

— Фиктивно помолвлены.

— Всё равно странно.

Давид посмотрел на часы:

— У меня встреча с клиентом в три. Мне нужно ехать.

— Давид...

— Да?

Вера хотела что-то сказать. Но не знала, что именно.

— Ничего. Увидимся вечером.

— До вечера.

Он ушёл к метро. Вера осталась стоять, глядя ему вслед.

Помолвлены. Через месяц — женаты.

И почему-то это пугало больше, чем она ожидала.

Вечер пятницы. Снова ужин у Сары. На этот раз — праздничный. В честь помолвки.

— Мои дети помолвлены! — Сара встретила их с объятиями и слезами.

— Я так счастлива! Давидик, моё солнышко!

Давид покраснел:

— Мама, пожалуйста...

— Что пожалуйста! Я имею право радоваться! — Сара обняла Веру.

— Верочка, покажи кольцо!

Вера протянула руку. Простое серебряное кольцо с маленьким камнем. Давид купил его неделю назад.

— Скромно, — оценила Сара. — Но красиво. Моисей мне тоже скромное кольцо подарил. Не в деньгах счастье!

Стол снова ломился от еды. Сара суетилась, накладывала, причитала.

— Верочка, ты опять похудела!

— Сара, я не...

— Похудела! Давид, ты её не кормишь?!

— Я готовлю каждый день, мама!

— Что готовишь? Куриную грудку? Это не еда! — Сара подложила Вере огромный кусок мяса. — Ешь, ешь!

Вера послушно ела. Давид рядом напрягся — она чувствовала это.

— Так, дети, — Сара села напротив и сложила руки. — Расскажите. Как прошла подача заявления?

— Нормально, — ответил Давид. — Быстро.

— Быстро? Только "быстро"? — Сара покачала головой. — Давид, это же важное событие! Ты должен был сделать что-то романтическое!

— Мы просто подали документы, мама.

— "Просто подали"! — Сара всплеснула руками. — А цветы? Шампанское? Романтика?

— Мама...

— Верочка, — Сара повернулась к ней. — Скажи честно.

Он был романтичным?

Вера прикусила губу. Соврать или сказать правду?

— Давид... такой, какой есть, — осторожно ответила она.

— Он не из тех, кто дарит цветы каждый день.

— Вот! — Сара ткнула пальцем в сына. — Слышишь? Девушка намекает!

— Я не намекаю! — Вера покраснела. — Я просто...

— Ты просто говоришь, что мой сын — сухарь без романтики!

— Мама! — Давид встал. — Перестань.

Тишина. Сара посмотрела на сына с удивлением. Он редко повышал голос.

— Извини, — тихо сказала она. — Я просто волнуюсь. Хочу, чтобы ты был счастлив.

Давид сел обратно, выдохнул:

— Я счастлив, мама.

— Правда?

Он посмотрел на Веру. Долгий взгляд.

— Правда.

Вера почувствовала, как что-то сжимается в груди. Это была ложь. Они играли. Но почему-то в его взгляде было что-то... настоящее.

Сара вытерла слёзы:

— Ладно, ладно. Хватит меня. Ешьте!

Остаток ужина прошёл спокойнее. Сара рассказывала о свадьбах подруг, о том, что нужно купить к их свадьбе. Вера и Давид кивали, поддакивали, держали роль.

Когда они собирались уходить, Сара отвела Веру на кухню.

— Верочка, — тихо сказала она. — Я хочу спросить. Ты любишь моего сына?

Вера замерла:

— Я...

— Не надо сразу отвечать. — Сара положила руку ей на плечо. — Я вижу, вы разные. Очень разные. Он — весь в правилах и логике. Ты — в эмоциях и творчестве. Иногда вы смотрите друг на друга так, будто готовы убить.

Вера опустила глаза.

— Но знаешь что? — Сара подняла её подбородок. — Это не плохо. Муж и жена не обязаны быть одинаковыми. Главное — уважение. И желание быть вместе, несмотря на различия. — Она помолчала. — У тебя есть это желание?

Вера не знала, что ответить. Это была сделка. Фикция. Спектакль. Но когда она смотрела на Сару — добрую, искреннюю, — врать было невыносимо.

— Я пытаюсь, — тихо сказала она. — Мы оба пытаемся.

Сара улыбнулась:

— Этого достаточно. Если вы пытаетесь — значит, вам не всё равно. Она обняла Веру. Крепко, тепло.

— Береги его, — прошептала она. — Он кажется сильным, но внутри

— раненый. Бывшая жена сделала ему больно. Очень больно.

— Я знаю.

— Тогда не делай того же.

Вера почувствовала, как глаза щиплет:

— Постараюсь.

В такси они молчали. Давид смотрел в окно. Вера — на руки.

— Твоя мама спросила, люблю ли я тебя, — вдруг сказала она.

Давид повернулся:

— Что ты ответила?

— Что мы пытаемся быть вместе.

— Дипломатично.

— Я не могла соврать ей в лицо.

— Но соврала.

— Да. — Вера посмотрела на него. — Как ты это делаешь? Каждый день врешь матери и не сходишь с ума?

Давид молчал долго.

— Я схожу, — наконец сказал он. — Просто не показываю.

— Давид...

— Знаешь, что самое худшее? — Он снял очки, потёр переносицу. Она счастлива. Первый раз за год болезни — настоящему счастлива.

Потому что верит, что я не один. Что у меня есть ты.

— Но это ложь.

— Да. Но эта ложь даёт ей надежду. — Он посмотрел на неё красными глазами. — И когда всё закончится, когда мы

разведёмся..., это убьёт её. Или то, что от неё останется.

Вера почувствовала боль в груди:

— Тогда зачем ты согласился на это?

— ПОТОМУ ЧТО У МЕНЯ НЕ БЫЛО ВЫБОРА! — Он повысил голос, и водитель дёрнулся. Давид понизил тон. — Извини. Просто... я не знаю, что

делать. Операция нужна сейчас. Деньги нужны сейчас. А последствия... о них я подумаю потом.

Вера протянула руку и накрыла его ладонь своей. Давид посмотрел на их руки.

— Мы справимся, — тихо сказала она. — Как-нибудь справимся.

— Как? Обманув её до конца? Или сказав правду и разбив сердце?

— Не знаю. — Вера сжала его руку. — Но ты не один. Я здесь.

Давид посмотрел на неё долгим взглядом:

— Почему ты помогаешь мне? Ты могла найти кого-то другого. Кого-то, кто не раздражает тебя. Кто не занудствует и не поправляет очки каждую минуту.

Вера усмехнулась сквозь слёзы:

— Потому что ты честный. Даже когда лжёшь матери — ты делаешь это ради неё, не ради себя. И это... редкость.

— Ты тоже честная. Слишком честная для этого спектакля.

— Тогда мы оба не подходим для этого.

— Но делаем это.

— Да. Делаем.

Такси остановилось у их дома. Они вышли, поднялись в квартиру. Рубик встретил их недовольным мяуканьем — он голоден и обижен.

Вера покормила кота. Давид сел на диван, уткнувшись лицом в ладони.

— Хочешь чай? — спросила она.

— Хочу.

Она поставила чайник. Села рядом с ним.

— Давид... расскажи о бывшей жене.

Он поднял голову:

— Зачем?

— Потому что твоя мама сказала, что она сделала тебе больно. И я хочу понять.

Давид долго молчал. Потом заговорил — тихо, без эмоций:

— Её звали Шира. Мы поженились в двадцать шесть. Я думал, это любовь. Она была красивой, умной, амбициозной. — Он помолчал. — Оказалось, она любила мой потенциал, не меня. Деньги, которые я мог зарабатывать. Статус. Когда я начал больше работать, она начала жаловаться. Что я скучный. Предсказуемый. Что у нас нет страсти.

— И что случилось?

— Она нашла страсть с моим другом. — Давид усмехнулся горько. — Узнал случайно. Пришёл домой раньше.

Вера сжала его руку.

— Поэтому ты такой... контролирующий?

— Наверное. Если всё планируешь, меньше неожиданностей.

— Но жизнь состоит из неожиданностей.

— Я знаю. — Он посмотрел на неё. — Ты, например, была неожиданностью.

— Плохой?

— Не знаю ещё. — Он почти улыбнулся. — Спроси через три месяца.

Чайник закипел. Вера встала, налила чай. Принесла ему кружку.

Они сидели в тишине, пили чай. Рубик запрыгнул на диван между ними, впервые не шипя на Давида.

— Кажется, он начинает тебя терпеть, — заметила Вера.

— Прогресс.

— Определённо.

Давид погладил кота. Рубик не убежал. Промурлыкал.

— Знаешь, что странно? — сказал Давид. — Две недели назад я терпеть тебя не мог.

— Взаимно.

— А сейчас... — Он помолчал. — Сейчас ты единственный человек, с кем я могу быть честным.

Вера посмотрела на него:

— Даже честнее, чем с матерью?

— Особенно честнее, чем с матерью.

Они сидели рядом, и Вера вдруг осознала, что граница между игрой и реальностью стала размываться. Она раздражала его. Он бесил её. Они спорили из-за глупостей. Но ко-

гда он говорил честно — она слушала. Когда ей было плохо — он был рядом.

И это пугало больше, чем весь их план вместе взятый.

— Спокойной ночи, Давид, — тихо сказала она, вставая.

— Спокойной ночи, Вера.

Она ушла в комнату. Легла на кровать. Рубик последовал за ней, устроился рядом.

— Рубик, — прошептала она в темноте. — Кажется, я начинаю привыкать к нему.

Кот промурлыкал.

— И это проблема. Большая проблема. Потому что через три месяца они разведутся. И разьедутся. И станут чужими. А она не была уверена, что хочет, чтобы он стал чужим. И это было по-настоящему страшно.

Глава 9: Близость

Третья неделя совместной жизни началась с того, что Вера проснулась от запаха кофе и звука клавиатуры. Шесть утра.

Давид, как обычно, уже работал.

Она лежала в постели, слушая привычные звуки. Когда он только переехал, это бесило. Сейчас... сейчас это стало частью утра. Почти успокаивающе.

Вера встала, накинула халат и вышла на кухню. Давид сидел за столом с ноутбуком, в старой футболке и домашних штанах. Волосы растрёпаны, очков нет — значит, линзы.

— Доброе утро, — сказала она.

Он поднял голову:

— Доброе. Разбудил?

— Нет. Сама проснулась.

— Кофе есть. Свежий.

Вера налила себе кружку, села напротив. Давид вернулся к работе. Они молчали — не напряжённо, а комфортно.

— Ты всегда работаешь в шесть утра? — спросила Вера.

— Не всегда. Иногда в пять.

— Это нездоровая привычка.

— Зато продуктивная.

— Продуктивность — не всё в жизни.

Давид закрыл ноутбук:

— Знаю. Бывшая жена говорила то же самое.

Вера прикусила губу. После вчерашнего разговора тема его развода стала болезненной.

— Извини. Не хотела...

— Всё нормально. — Он потёр лицо. — Она была права. Я слишком много работал. Но это был мой способ... контролировать хоть что-то.

— А сейчас?

— Сейчас тоже работаю много. — Он посмотрел на неё.
— Но причина

другая.

— Какая?

— Отвлекаюсь. От того, что живу с раздражающей девушкой, притворяюсь её женихом и обманываю мать.

Вера фыркнула:

— Я тоже раздражающая?

— Очень. Ты оставляешь кружки везде. Забываешь закрывать тюбики. Поёшь в душе слишком громко.

— А ты храпишь.

— Я НЕ храплю!

— Храпишь. Слышала вчера.

— Это был диван! Он скрипит!

Они посмотрели друг на друга и одновременно рассмеялись.

— Мы снова спорим, — заметила Вера.

— У нас талант.

— Определённо.

Рубик вышел из комнаты, зевая. Подошёл к Давиду и потёрся о его ногу.

Давид удивлённо посмотрел на кота.

— Он меня принял?

— Похоже на то.

— Наконец-то. — Давид почесал Рубика за ухом. — А я уже думал, он будет ненавидеть меня вечно.

— Рубик — хороший судья характера. Если он тебя принял, значит, ты не так плох.

— "Не так плох". Высокая похвала.

— От меня — да.

Давид улыбнулся — настоящей, тёплой улыбкой. Вера вдруг заметила, что без очков он выглядел моложе. Мягче.

— Тебе идёт без очков, — неожиданно для себя сказала она.

Давид удивлённо посмотрел на неё:

— Правда?

— Да. Ты менее... строгий.

— Строгий?

— Ну, в очках ты выглядишь как занудный профессор. Без них — просто как занудный программист.

— Это комплимент?

— Скорее наблюдение.

Он усмехнулся:

— Ты тоже выглядишь по-другому утром.

— По-другому как?

— Менее... собранная. Волосы растрёпаны, никакого макияжа, халат. Он помолчал. Более настоящая.

Вера почувствовала, как краснеет:

— Это комплимент?

— Скорее наблюдение.

Они улыбнулись друг другу, и между ними повисла странная пауза — не напряжённая, но значимая.

— Мне нужно в душ, — быстро сказала Вера, вставая.

— Конечно.

Она ушла в ванную, закрыла дверь и прислонилась к ней. Сердце билось быстрее обычного. Это просто притирка, — сказала она себе. — Ты привыкаешь к соседу. Ничего особенного.

Но отражение в зеркале говорило другое.

День прошёл в работе. Вера сидела за дизайном нового проекта — фриланс для небольшого стартапа. Давид работал в наушниках, стуча по клавишам.

К обеду они оба устали и решили сделать перерыв.

— Пицца? — предложила Вера.

— Овощи на пару, — автоматически ответил Давид. Потом остановился.

— Хотя... может, компромисс?

— Компромисс?

— Закажем пиццу, но с овощами. Без колбасы.

Вера уставилась на него:

— Ты серьёзно идёшь на компромисс?

— Я учусь. Игорь говорил — нужно идти навстречу.

— Хорошо. Пицца с овощами.

Пока ждали доставку, Вера сидела на диване с ноутбуком. Давид лёг рядом с книгой. Рубик устроился между ними.

— Что читаешь? — спросила Вера.

— Солярис. Лем. Третий раз перечитываю.

— Зачем перечитывать?

— Каждый раз нахожу что-то новое. Он показал страницу. Вот, например, описание океана-разума. Первый раз я воспринял это как научную фантастику. Второй раз — как философию об одиночестве. Сейчас читаю как метафору отношений.

Вера заинтересовалась:

— Как метафору отношений?

— Да. Келвин пытается понять океан, но океан непостижим. Говорит на языке, который Келвин не понимает. Создаёт образы из его памяти, но это не то, что он ожидает. Давид посмотрел на неё. Как люди в отношениях. Мы пытаемся понять друг друга, но часто говорим на разных языках.

Вера прикусила губу:

— Как мы?

— Как мы. Ты творческая, импульсивная, эмоциональная. Я логичный, структурированный, контролирующий. Мы с разных планет.

— И что делать с этим?

— Учиться языку друг друга. — Он закрыл книгу. — Хотя бы базовым фразам.

— Какие базовые фразы на моём языке ты знаешь?

Давид задумался:

— Не трогай мой шампунь. Дай мне поспать до восьми.
Рубик — семья.

Вера рассмеялась:

— Неплохо для начала. А на твоём языке?

— Будь вовремя. Убери за собой. Сахар — это зло.

— Последнее спорно.

— Для меня — аксиома.

Позвонили в дверь — доставка. Давид открыл. Курьер передал пиццу,

Давид расплатился. Они ели молча, сидя на диване. Пицца была неожиданно вкусной.

— Признаю, — сказал Давид. — Овощная пицца — неплохой компромисс.

— Для тебя это прорыв.

— Для меня — да.

После обеда Вера вернулась к работе, но не могла сосредоточиться. Взгляд то и дело соскальзывал на Давида, который сидел напротив с ноутбуком. Он поправлял очки. Хмурился, читая код. Барабанил пальцами по столу, когда думал.

Три недели назад это бесило. Сейчас... сейчас стало привычным.

— Вера?

Она вздрогнула:

— Да?

— Ты смотришь на меня пять минут. Что-то не так?

Вера покраснела:

— Нет. Просто задумалась.

— О чём?

— О том, что ты меньше раздражаешь, чем раньше.

Давид усмехнулся:

— Это прогресс?

— Огромный.

Он закрыл ноутбук:

— У меня тоже прогресс. Твой творческий беспорядок перестал вызывать желание всё переорганизовать.

— Серьёзно?

— Ну... почти перестал.

Вера швырнула в него подушку. Он поймал, швырнул обратно. Она

увернулась, подушка упала на Рубика. Кот недовольно мяукнул и ушёл в комнату.

— Мы обидели кота, — сказала Вера.

— Он переживёт.

Они замолчали. Потом Давид спросил:

— Хочешь посмотреть фильм? Вечер свободный.

— Какой фильм?

— Ты выбирай.

— Я выбираю — ты не согласишься.

— Попробуй.

Вера задумалась:

— Амели?

— Смотрел. Три раза.

Она удивлённо посмотрела на него:

— Ты смотрел Амели? Когда?

— После того, как ты сказала, что это твой любимый фильм. Хотел понять, почему.

— И?

— И понял. Там про одиночество человека в большом городе. Про попытки

найти связь. Про маленькие чудеса. — Он помолчал. — Красивый фильм.

Вера почувствовала тепло в груди:

— Ты посмотрел фильм ради меня?

— Ради легенды. Мы должны знать общие интересы.

— Конечно. Ради легенды.

Но они оба знали, что это не только ради легенды.

Они включили "Римские каникулы" — компромисс между романтикой Веры и классикой Давида. Сидели на диване,

каждый со своей стороны, но к середине фильма расстояние сократилось.

Вера незаметно придвинулась. Давид тоже. К концу фильма между ними было сантиметров двадцать.

— Грустный конец, — сказала Вера, когда титры пошли.

— Реалистичный. Не все истории заканчиваются счастливо.

— А наша?

Давид посмотрел на неё:

— Наша — сделка. У неё есть срок окончания.

— Да. Конечно. — Вера отвернулась. — Я просто... забыла на секунду.

— Вера...

— Мне пора спать. Спокойной ночи.

Она встала и ушла в комнату. Закрыла дверь. Села на кровать. Рубик запрыгнул к ней, устроился на коленях.

— Рубик, — прошептала она. — Я начинаю забывать, что это игра. И это страшно.

Кот промурлыкал что-то утешительное.

За дверью послышались шаги. Давид подошёл к двери, замер.

— Вера? — тихо позвал он.

— Да?

— Я тоже забываю иногда.

Тишина.

— Спокойной ночи, Давид.

— Спокойной ночи.

Шаги удалились. Вера легла на кровать, уткнувшись лицом в подушку.

Три месяца. Осталось два с половиной.

Два с половиной месяца до развода. До конца спектакля.
До того момента,

когда они станут чужими.

А она не хотела, чтобы он стал чужим.

Ночью Вера не могла уснуть. Ворочалась, слушая тишину
квартиры. В три часа ночи сдалась, встала и вышла на кухню
за водой.

Свет в гостиной горел. Давид сидел на диване с ноутбу-
ком.

— Ты не спишь? — удивилась она.

Он поднял голову:

— Не могу. Ты тоже?

— Бессонница.

— У меня тоже.

Вера села рядом:

— Из-за чего?

— Думаю. О многом.

— О чём конкретно?

Давид закрыл ноутбук:

— О том, что через два месяца мы подадим на развод. Скажем маме, что не сошлись характерами. Она расстроится. Возможно, это ухудшит её состояние. — Он потёр лицо. — И о том, что я не знаю, правильно ли всё это.

— А есть правильно?

— Не знаю. Раньше я всегда знал, что правильно. Следовал плану. Всё контролировал. — Он посмотрел на неё. — А с тобой... с тобой план рушится.

— Я рушу твой план?

— Постоянно. Ты непредсказуема. Импульсивна. Говоришь то, что думаешь, не фильтруя. — Он помолчал. — И мне это... нравится.

Вера почувствовала, как сердце забилося быстрее:

— Нравится?

— Да. Не знаю почему. Ты должна меня раздражать. А ты... не раздражаешь. Уже нет. Они сидели близко. Очень близко. Вера видела отражение лампы в его очках, чувствовала тепло его тела.

— Давид, — прошептала она. — Что мы делаем?

— Не знаю.

Он наклонился ближе. Вера не отстранилась. Их лица были в сантиметрах друг от друга.

— Это плохая идея, — прошептал Давид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.